ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Воскресенье, 15 августа 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 44 (680)

О работе издательств

Если присмотреться к тому, как издательства художественной литературы заботятся о многомиллионном советском читателе, на каком политическом и производственном уровне они находятся, как подбирают и воспитывают кадры, как работают с писателями, придется сделать очень суровые выводы. Работу издательств художественной литературы нельзя квалифицировать иначе, как плохую, негодную.

В сегодняшнем номере газеты мы печатаем ряд материалов, с разных сторон характеризующих деятельность Гослитиздата, «Академии», «Советского писателя».

Мы не раз уже приводили многочисленные факты, свидетельствующие о политических ошибках, о выпуске книг вредных, халтурных, стоящих ниже всякой критики. Мы не раз писали о притуплении бдительности в издательствах, о засоренности аппарата, о рабских темпах работы и т. д. и т. п. Можем ли мы сейчас сказать, что в издательствах произошел перелом, наметился сдвиг? Нет!

На собрании актива Гослитиздата, где, к слову сказать, отсутствовали писатели, т. Накоряков сделал оптимистический доклад. Неизвестно, на чем основывался этот оптимизм. Из 69 книг, которые должны выйти к великой годовщине Октября, в производстве находится только двадцать шесть.

План этих изданий не подвергался до сих пор обсуждению писателей и критиков и даже актива работников издательства. Это неудивительно, ибо редакторы Гослитиздата по месяцам не встречаются с главным редактором.

О плане юбилейных изданий не знал даже заведующий производственным сектором.

О нетерпимых, невероятно растянутых сроках нахождения книг в производстве нечего и говорить — сроки эти исчисляются годами.

Существует реальная угроза, что к двадцатой годовщине Великой социалистической революции советский читатель не получит от Гослитиздата достаточного количества разнообразных, новых книг наших писателей и даже лучших старых книг в юбилейном издании. Чего же стоят всякие разговоры о принимаемых мерах, о перестройке и улучшении работы, если за ними не следуют реальные результаты? Чего же стоят необоснованный оптимизм и благодушие руководителей Гослитиздата?

Но то, что делается в Гослитиздате, поистине бледнеет перед «трудами и днями» издательства «Академия». Его руководители и работники допускали в течение долгого времени беспрепятственное хозяйничанье Л. Полонской, подвизавшейся в издательстве в качестве главного редактора. Результаты этого хозяйничанья налицо. Засорение кадров издательства, безобразное обращение с материальными средствами, преступная щедрость за счет государства, замораживание огромных сумм в рукописях, в иллюстрациях, которые потребуются через два и три года, возмутительное растягивание выпуска собраний сочинений классиков на долгие годы, бесконечная уплата штрафов за плохую работу издательства, комментаторов, редакторов. Подобная, с позволения сказать, работа была бы абсолютно нетерпима даже в течение месяца ни на каком советском предприятии, а в «Академии» так работают годами.

Нельзя ни одного дня терпеть такого положения в издательстве в то время, когда каждый день дает нам по всей стране замечательные образцы работы по-стахановски, по-большевистски, по-сталински.

Безобразную работу издательства «Советский писатель» совсем недавно резко характеризовали «Известия». Мы в сегодняшнем номере показываем уголок так называемой массовой работы этого издательства. Что же оказывается? Читатели-метростроевцы в своих суждениях об очередной скверной книжке, выпущенной этим издательством, оказываются гораздо выше издателей, редактора и автора. Мало того, массовая работа с читателем вместо того, чтобы стать средством политического и художественного воспитания читателей, развития их вкуса, превращается попросту в рекламу негодной продукции. Издательство предусмотрительно ведет эту рекламную работу «своими силами», не привлекая к обсуждению ни широкие слои писателей, ни критику.

Только в такой гнилой обстановке и может родиться попытка автора пошловатых рассказов сравнить себя с Мопассаном, Чеховым, Мериме, не встретившая никакого отпора.

Все эти факты заставляют сделать вывод: работа центральных издательств художественной литературы крайне плоха, она не обеспечивает удовлетворения запросов и требований советского читателя. Деятельность Гослитиздата, «Академии», «Советского писателя» должна быть взята под огонь большевистской самокритики, проверена всесторонне. Только этот путь приведет к решительному перелому в работе не на словах, а на деле.

ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕЛЕТОВ МОСКВА — СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Как вчера сообщалось, перелет Героя Советского Союза т. **С. А. Леваневского** на самолете «СССР Н-209» протекал в очень трудных атмосферных условиях. Самолету из-за высокой сплошной облачности приходилось лететь на большой высоте до 6000 метров. В 14 часов 32 минуты выбыл из строя один из моторов, и самолету пришлось снизиться до 4600 метров. С тех пор полных радиограмм с самолета не принято. Из принятых отрывков телеграмм явствует, что самолет еще некоторое время продолжал путь. Можно думать, что вынужденный лететь в облаках, самолет мог подвергнуться обледенению, что привело к вынужденной посадке на лед. Условия льда в районе полюса и за ним являются сравнительно благоприятными для такой посадки. Все полярные радиостанции продолжают непрерывно слушать на волне самолета. Несколько раз радиостанции слышали работу на волне самолета т. Леваневского, но из-за слабой слышимости ничего достоверного принять не удалось.

Экипаж самолета «Н-209» обеспечен продовольствием на полтора месяца, а также палатками, спальными мешками, теплой одеждой и оружием.

Обсудив положение, Правительственная комиссия приняла ряд мер для немедленного оказания помощи. Помощь организуется в двух направлениях: в Восточном и в Западном секторе Арктики.

По Восточному сектору, со стороны Чукотского полуострова, приняты следующие меры:

1. Ледоколу «Красин», находящемуся у берегов Чукотского моря, дано приказание немедленно направиться к мысу Шмидта, где находится авиабаза Главсевморпути, взять на борт 3 самолета с экипажами и горючим, направиться в район мыса Барроу на Аляске и оттуда на север, насколько позволят льды, где и служить базой.

2. Пароходу «Микоян», находящемуся в Беринговом море, приказано с полным грузом угля направиться к «Красину».

3. Двухмоторный гидросамолет «СССР Н-2» летчика **Задкова**, находящийся в бухте Ногаево, получил приказание немедленно направиться в Уэллен и оттуда к месту «Красина».

По Западному сектору, опираясь на авиабазу острова Рудольфа и станцию «Северный полюс» тов. Папанина, даны следующие указания:

1. Подготовить к вылету три самолета «АНТ-6», вернувшиеся с полюса в Москву. Эти самолеты под командованием Героев Советского Союза тт. **Водопьянова, Молокова** и **Алексеева** направляются на остров Рудольфа, а оттуда в район Северного полюса.

2. Полярная станция Папанина, находящаяся в настоящее время на нулевом меридиане и широте 87° 20′, будет превращена в авиабазу — исходную точку для поисков — путем переброски горючего с острова Рудольфа на самолетах «АНТ-6».

На запрос Комиссии тов. **Папанин** ответил, что его поле сохранилось полностью и посадка самолетов возможна.

3. Двухмоторным самолетам «СССР Н-206» Героя Советского Союза т. **Головина** и «СССР Н-207» летчика **Грацианского** дано предписание вылететь на остров Диксон и быть там в резерве для вылета на Север в Западный или Восточный сектор Арктики, смотря по необходимости.

Вся сеть радио- и метеостанций продолжает работу.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОМИССИЯ.

Художники Грузинской ССР готовятся к 20-й годовщине Великой Пролетарской Революции. На снимке: Художник-орденоносец **Мосе Тоидзе** у картины **«Счастливая жизнь»**, которую он готовит к выставке, посвященной 20-летию Великой Пролетарской Революции.

(Союзфото).

Навстречу XX-летию Великой пролетарской революции

Беседа с Садреддин Айни

В Москве сейчас находится таджикский писатель Садреддин Айни. Один из крупнейших народных поэтов и старейший писатель-прозаик Таджикской ССР, Садреддин Айни много сделал для развития ее литературы и культуры. Им собрана и составлена антология таджикской поэзии, в которую вошли лучшие ее образцы. Его перу принадлежат известные, переведенные на многие языки повесть «Адинэ» — приключения бедняка-таджика и первый роман на таджикском языке «Рабы».

Садреддин Айни принимал участие в революционном движении и испытал на себе все тяготы бухарских тюрем и пыток эмирских палачей.

Значение литературной деятельности Садреддина Айни далеко выходит за пределы Таджикистана. Характерно, что в Иранском парламенте во время прений по вопросам литературы делегаты указывали, что классическая струя иранской литературы жива сейчас не в Иране, а в Советском Таджикистане, и в доказательство приводили повесть Айни — «Адинэ».

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» Садреддин Айни сообщил, что к 20-летию Октябрьской революции им написана поэма «Джанги адоед об» — «Война человека с водой», на тему о Вахшском гидроэлектростроительстве. Кроме того Садреддин Айни работает над составлением толкового таджикского словаря и редактирует собранные молодым таджикским писателем Дехати народные таджикские новеллы.

На вопрос о том, какими новыми произведениями таджикская литература встречает двадцатилетие Великой пролетарской революции, Садреддин Айни ответил:

— К двадцатилетию Великой социалистической революции союз советских писателей Таджикской ССР выпускает альманах на таджикском и русском языках. В альманах должны войти новое произведение Лахути, отрывки из поэмы о Вахшстрое Садреддина Айни, новая драма Гани Абдулла, новый роман Алихуша, повесть Икрами и др.

Кроме того октябрьский и ноябрьский номера журнала союза советских писателей Таджикистана «За социалистическую литературу» будут целиком посвящены двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Литературные радиопередачи

Сектор литературно-драматического вещания Всесоюзного радиокомитета готовит к двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции цикл юбилейных передач.

По радио будут передаваться литмонтажи по романам: «На Востоке» Павленко, «О счастьи» Грековой и по повести «Щорс» Эрлиха и Герасимова.

В октябре начнется цикл передач «Наша родина». Он будет состоять из произведений А. Фадеева, Ф. Панферова, В. Финка, Н. Вирта, В. Гусева, М. Слонимского, Б. Ромашева и других советских писателей.

Отдельные передачи будут посвящены творчеству В. Маяковского, Д. Фурманова, Н. Островского, народных певцов Сулеймана Стальского, Джамбула и др.

Далее намечены тематические литературно-художественные передачи: «Счастливая юность», «Гордые соколы нашей родины», «Красные пограничники», «Москва — столица социалистического отечества», «Ленинград — колыбель Октябрьской Революции», «Канал Москва—Волга» и др.

Тематически будут построены и программы юбилейных радиопередач, посвященных фольклору Страны советов: «Ленин и Сталин в народном творчестве», «Октябрь в творчестве народов СССР» и т. д.

Специальная серия литературно-музыкальных передач будет посвящена показу искусства 11 союзных республик.

В юбилейных радиопередачах большое место займут высказывания о СССР Ромэн Роллана, Анри Барбюса, Л. Фейхтвангера и других наиболее передовых писателей мира и программы, посвященные революционной Испании.

Жизнь замечательных большевиков

Партиздат ЦК ВКП(б) предпринял дело, имеющее огромное политико-воспитательное значение — издание серии биографий выдающихся деятелей большевистской партии, сподвижников Ленина и Сталина, под общим названием «Жизнь замечательных большевиков».

В этой серии вышла книга Л. Берия о Ладо Кецховели — ближайшем сподвижнике товарища Сталина.

На-днях выйдет в свет прекрасно оформленная книжка т. А. И. Микояна — «Феликс Дзержинский», представляющая собой переработанный доклад т. Микояна на общегородском партактиве и собрании работников НКВД, посвященном десятой годовщине со дня смерти Ф. Э. Дзержинского.

В дальнейшем Партиздат намечает выпуск художественно-популярных брошюр с биографиями выдающихся большевиков: Фрунзе, Куйбышева, Дубровинского, Бабушкина, Цулукидзе и др.

Книжки серии «Жизнь замечательных большевиков» будут выходить массовыми тиражами — не менее 100 тысяч, в хорошем художественном оформлении.

Обелиск памяти героев гражданской войны

МИНСК, 14. К 20-й годовщине Великой Пролетарской Революции в Борисове, на высоком берегу реки Березины, будет воздвигнут 20-метровый памятник-обелиск в честь героев гражданской войны, павших за дело освобождения БССР от белопольских оккупантов.

Автор проекта памятника — белорусский скульптор А. К. Глебов. Обелиск украшен большой фигурой всадника с красным флагом и фигурами красноармейца и партизана. На двух лицевых гранях будут гербы СССР и БССР, а по бокам — два барельефа. На одном из барельефов изображено наступление красной конницы, на другом запечатлен образ Серго Орджоникидзе во время разведки в районе Борисова.

Л. НИКУЛИН

Большая тема

В одной из киностудий нашей страны появились люди, одетые в форму железнодорожников. По знакам различия, наконец по характерному гриму можно узнать старых и молодых машинистов, стрелочников, политотдельцев железной дороги. Если бы дело происходило не в киностудии, среди прожекторов и декораций, можно было бы проглядеть этих людей, одетых в железнодорожную форму. Их трудно отличить от настоящих железнодорожников. Между тем появление этих персонажей на кинофабрике достойно особого внимания. Это — событие и не только для режиссера, актеров, кинооператоров и авторов сценария (один из них — автор этих строк).

Это — событие в области тематики советского художественного фильма.

Фильм называется «Честь». Его герои — стахановцы железнодорожного транспорта.

Справедливо укоряют наших литераторов в том, что они скудно показывают строителей новой жизни в стране, что в нашей литературе и искусстве нет талантливо изображенных знаменитых людей нашей эпохи — героев Советского Союза, стахановцев, ученых, политических деятелей. Иные области нашего строительства получили все же некоторое отражение в литературе и искусстве, но есть важнейший участок народного хозяйства, которого почти не касались наши писатели, драматурги и художники.

В записной книжке литератора, поставившего себе задачей написать сценарий о людях железнодорожной державы, есть несколько записей, положивших начало этой сложной работе:

1. «Тема художественного произведения о людях транспорта должна быть темой **общегосударственного, а не ведомственного значения».**

2. «Народное хозяйство, транспорт, оборона страны — вот звенья этой темы».

3. «Основная идея художественного произведения о людях железнодорожной державы — идея борьбы с отставанием транспорта и победа в этой борьбе».

Следовательно это будет художественный фильм о переломе на железнодорожном транспорте, о людях, победивших рутину, традицию, сухую казенщину в этом большом и сложном деле.

«Готовых, законченных людей не бывает, людей нужно организовывать, сплачивать, подымать, переделывать». «Они подымутся на большие дела, если с ними как следует поработать» — вот слова Л. М. Кагановича, которые следует считать ключом к пониманию перелома на транспорте. Первое слово было за машинистами, и они сказали это слово.

Стоишь у правого окошка рядом с машинистом. Одна рука машиниста на «реверсе», другая — на регуляторе пара. Паровоз рвется вперед со скоростью 45 километров. Скромная, можно сказать, скорость для настоящего пожирателя пространства. Но нигде, ни в пассажирском вагоне, ни в кабине самолета, вы так не ощущаете скорость, как на грузовом паровозе. Шестьдесят груженых вагонов за спиной паровоза. В цистернах плещется нефть, громыхают железные балки на платформах, серебристыми искорками сверкает на солнце антрацит. Огромная тяжесть находится в движении позади машиниста. Всегда надо думать о тяжести позади, о том, чтобы не «заиграли» вагоны, чтобы не порвался состав.

Этот скоростной пробег сквозного состава есть победа над рутиной, победа над косностью, а главное — победа над старыми, капиталистическими методами эксплоатации железных дорог.

Большое и сложное искусство — водить грузовые, тяжелые составы. Здесь сказывается характер машиниста, его индивидуальность, его умение, стиль его работы, изобретательность.

Старое депо «Славянск» на Донецкой дороге в некотором роде историческое депо. Ничего привлекательного, особо интересного не представляют собой пятидесятилетней давности здания. Но вы входите в эти закопченые стены с известным волнением.

Здесь стоял ЭХ 68437 — паровоз Кривоноса, который приготовляла к легендарному пробегу бригада орденоносца Мороза.

История борьбы вокруг пробега Кривоноса — у всех в памяти. Работники Славянского депо любят вспоминать о горячих спорах, о людях, мешавших Кривоносу, о людях, поддержавших его в его идее скоростного пробега грузового состава.

Теперь все это в прошлом, в воспоминаниях, в специальной технической литературе. Для того, чтобы обрисовать великие сдвиги, происшедшие в этих местах (и по всем дорогам страны), достаточно сказать, что молодой машинист, инициатор скоростного пробега Петр Кривонос — начальник исторического паровозного депо в Славянске.

И рядом со старым депо выстроено по последнему слову техники новое депо для мощных паровозов ФД — Феликс Дзержинский.

В старом Славянском депо еще летом можно увидеть бывалый, видевший виды паровоз. На металлической доске, укрепленной под окошком машиниста, надпись: «Паровоз имени Котельникова». На этом паровозе ездил в качестве помощника машиниста погибший на дальневосточном рубеже герой-пограничник Котельников.

С каким волнением читали в красном уголке письмо пограничников-товарищей погибшего на посту Котельникова. Они просили, чтобы паровоз имени Котельникова сделали стахановским паровозом. И так оно и будет. И Славянское депо будет стахановским, кривоносовским депо. Залог этому — слова, напечатанные за подписью машиниста-кривоносовца в «Железнодорожнике Донбасса»:

«Есть у меня три гордости: моя первая гордость то, что я большевик. Моя вторая гордость то, что меня выковала Красная Армия. И моя третья гордость в том, что я стахановец транспорта».

Новое понимание чувства собственного достоинства, новое качество чести появилось у рабочего человека нашей страны. Теперь он думает и говорит не о **личной** своей чести, а о **чести коллектива**, о чести того отряда трудящихся, в рядах которого он сражается за новую и счастливую жизнь.

Таким образом этот черствый, казалось, материал, так называемая сухая тема художественного произведения наполняется живым, теплым, волнующим и новым содержанием. И отдать свое время, свой труд этой большой и глубокой теме — почетная задача писателя.

А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ...

На активе Гослитиздата

Второе собрание актива Гослитиздата открылось — в полупустом зале, с опозданием на 1 час 15 минут — докладом директора издательства т. Накорякова о выполнении решений первого актива и о плане изданий, выпускаемых к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции.

Речь т. Накорякова была так же «оптимистична», как и три месяца назад, на первом собрании гослитиздатовского актива.

Но факты — упрямая вещь! Докладчик должен был признать, что за последнее время издательство работало из рук вон плохо, что руководство его не только не сумело исправить свои прежние политические и производственные ошибки, но усугубило их, что оно не сумело реализовать почти ни одного из предложений сотрудников и писателей.

Руководители Гослитиздата не укрепили кадрами главную редакцию, не усилили идеологического и организационного руководства редакциями, не повысили своей политической бдительности.

Не укрепило издательство своей связи с писательской массой. Писатели попрежнему приходят в Гослитиздат лишь за тем, чтобы заключить договор, получить аванс.

К двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции Гослитиздат готовится плохо: из 69 книг, которые намечены к двадцатилетию, сегодня в производстве находятся только 26. Остальные произведения все еще редактируются или дорабатываются авторами. Когда они поступят в производство — никто точно не знает.

Ни словом не обмолвился т. Накоряков о том, обеспечены ли юбилейные издания бумагой, подготовлены ли типографии.

Из прений выяснилось, что план юбилейных изданий до сего времени был известен лишь руководству Гослитиздата и отдельным редакционным работникам. Заведующий производственным сектором т. Кузнецов заявил, что работники сектора только на активе узнали о книгах, которые должны выйти к 20-й годовщине Октябрьской Социалистической Революции.

До великой годовщины осталось меньше трех месяцев. Однако это не беспокоит беспечных издателей.

Доклад о «тематическом плане по современной художественной литературе на 1938 г.» сделал на активе т. Серебрянский.

Прения по докладам вскрыли полную неподготовленность актива к обсуждению плана. Редакционные работники в прениях почти не выступали.

Говорили о чем угодно, только не о редакционно-издательской работе. Единственный в зале писатель Криницкий выступил с клеветнической речью, которую он закончил утверждением, что советским писателям негде обсуждать творческие вопросы. «А вот раньше, бывало, в кафе Греко соберемся мы, писатели, играем в рулетку и... обсуждаем»...

Эти недвусмысленные разглагольствования с трибуны актива никто из президиума не счел нужным прервать.

Во второй день актива выступили редакторы тт. Лях, Белкина, Ковнатор, Малышева, Ионов. Они откровенно заявляли, что не собирались выступать потому, что актив издательства не подготовлен по тем вопросам, которые на нем поставлены.

— О чем говорить? — спрашивает т. Белкина. — Повторять то, что было сказано, и требовать записать в резолюцию то, что было уже записано в резолюции прошлого актива?

— Где, на каком заводе, — спрашивает другой редактор, — главный инженер месяцами не беседует с инженерами основных цехов? А у нас, если мы сами не добьемся приема у главного редактора, он никогда не поинтересуется, чем мы занимаемся.

Особенно долго останавливались выступающие на вопросе о подборе кадров.

— Мы сами виноваты в том, что нам не с кем работать, — заявляли руководители секторов. — Мы должны были воспитать работников, но при существующей практике в издательстве воспитательную работу развернуть невозможно.

Какими темпами работает Гослитиздат? Одна из лучших книг Фейхтвангера «Иудейская война» выпускалась три года. Два года ушло на то, чтобы доказать главной редакции полезность и необходимость издания этой книги. Наконец разрешение было получено. 3 августа 1936 г. сектор иностранной литературы сдал рукопись в набор. А тираж этой книги получен только несколько дней назад.

О работе с молодыми писателями говорили на активе тт Виноградов, Котов и др. Все они подчеркивали, что со стороны руководства Гослитиздатом никакой помощи молодым авторам не было.

— Была филантропия, но не было интереса, — заявил т. Котов.

Девять молодых авторов назвал т. Накоряков, как писателей, выявленных Гослитиздатом. Но т. Накорякову напомнили, что он не только не принимал участия в выдвижении этих авторов, но порой препятствовал ему.

Так было с автором повести «Кочубей».

«Слабая и сырая» — дал о ней заключение Накоряков.

Повесть появилась в журнале «Октябрь». Пресса дала ей положительную оценку; и вот теперь т. Накоряков решает издать ее к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции.

Актив потребовал от руководства издательства одного — реализации резолюции прошлого актива, потому что **ни один пункт ее еще не выполнен.**

В. ТОНИН.
Н. ЯКОВЛЕВ.

ГОРЬКИЙ и ЧЕХОВ

«Если бы Гегель создавал свою систему в наши дни и если бы он был знаком с новейшей русской литературой, то несомненно в Чехове и Горьком он мог бы увидеть интересный образец тезиса и антитезиса... Эмблема одного—тоскующая скорбная чайка; эмблема другого—смелый сокол и гордый буревестник» (см. «К правде», 1904 г.).

Такими антиподами представлялись Горький и Чехов некоторым своим современникам.

И в самом деле, на первый взгляд, два как будто диаметрально противоположных писательских образа.

С одной стороны, молодой Горький, только начинающий свой литературный путь, путь страстного борца, «воспламененного желанием строить новую, свободную для человека жизнь, на обломках старой, тесной». Исходивший вдоль и поперек всю Россию, он с жадностью и страстью «пожирает» жизнь («Мне некогда было учиться, я все жрал жизнь»), с любовью и пытливостью всматривается в человека — «самое чудесное, самое высокое создание в мире».

А с другой стороны, еще не старый, но уже в зените славы, уже умудренный и отяжеленный писательским опытом Чехов, «присосавшийся к месту» («с годами как-то тяжелеешь, присасываешься к месту»), тяготящийся однообразием жизни, жалующийся на свою внутренюю опустошенность.

Конец 90-х, начало 900-х гг.—это годы оживленной и задушевной переписки обоих писателей, в которой мы находим взаимную высокую оценку творчества «...Если бы познакомились и поговорили час, другой, то вы убедились бы, как я высоко вас ценю и какие надежды возлагаю на ваше дарование», писал Чехов начинающему Горькому (письмо от 3 дек. 1898 г.). А в ответ Алексей Максимович, взволнованный и «плененный помощью» чеховского таланта, восторгается творчеством своего старшего товарища и друга («В русской литературе не было новеллистов, подобного Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура»), гордится его отношением к себе.

На какой основе устанавливается дружественная связь молодого Горького с Чеховым, что об'единяет их, как перекрещиваются их творческие интересы?

Искусство реализма, ставящего выше всего суровую неприкрашенную правду жизни, было одинаково дорого и Горькому и Чехову. Революционная романтика раннего Горького отнюдь не противоречит реалистическим основам, заложенным с самого начала в его художественном творчестве, являясь, по собственному выражению А. М., лишь «псевдонимом» его реалистического стиля. В ряде писем к А. П., в воспоминаниях о нем Горький восторгается замечательным реализмом чеховского творчества, умением «ввертываться в глубь и в суть жизни», как «бурав в землю», «беспощадно и правдиво раскрывать людям позорную и тоскливую картину жизни».

В критической статье, посвященной анализу рассказа «В овраге» («Литературные заметки». По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» —1900 г.), Горький как-бы подытоживает свою оценку Чехова-реалиста. «В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он **никогда ничего не выдумывает от себя**, не изображает того, чего нет на свете».... (разрядка Горького).

В свою очередь Чехов среди ранних произведений Горького выделяет, как лучшие, его реалистически-бытовые рассказы. «В степи», «Мой спутник» получают наиболее высокую оценку А. П. «Двадцать шесть и одна» привлекает Чехова опять-таки бытовым колоритом: «В рассказе сильно чувствуется место, пахнет бубликами». (Письмо 15 февр. 1900 г.).

И с одинаковым возмущением выступают оба против декадентски-претенциозных, антиреалистических произведений Л. Андреева. Горький, для которого понятие реализм было адэкватно искусству глубокого обобщения, отнюдь не удовлетворяется эмпирическим нанизыванием фактов. Отрицательно оценивая андреевского «Сашку Жигулева», Горький пишет: «Хотя эта повесть и насыщена фактами русской действительности— освещение и толкование фактов совершенно литературное, т. е. искусственное, не живое» (письмо Л. Андрееву, недатированное). И этому мнимому, ограниченному, условному реализму противопоставляет Горький чеховский реализм, который «возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа», до «философских обобщений».

Но уже в те годы Горький идет дальше Чехова. Основоположник социалистического реализма, реализма нового качества, Горький не удовлетворяется отражением в искусстве «нищей и уродливой правды» современности. Он ищет «высокой правды искусства, жизнь которого длительней... личной жизни, правды, которая важнее жалкой правды нашего сегодня» (письмо Горького к И. Д. Сургучеву от 10 января 1912 г.).

И эта «высокая правда» реалистического искусства требует от художника новых героических тем, героических образов, которые помогли бы людям во имя светлого революционного будущего преодолеть «каторжную мерзость» настоящего. «Право же — настало время нужды в героическом», пишет Алексей Максимович Чехову, «все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивей...» (январь 1900 г.). Это не отказ от реализма, не противоречие реалистическим помыслам и устремлениям Горького, это дальнейший шаг от реализма критического к созданию искусства будущего, искусства социалистического реализма.

В противоположность лагерю символистов, пытавшемуся об'явить Чехова «своим», облачить его в декадентски-импрессионистическую тогу, молодой Горький отчетливо разглядел реалистическую сущность чеховского творчества. С гениальной прозорливостью увидел он в зрелом писателе то, что было присуще его собственному мироощущению, его эстетическим взглядам.

В отличие от всей плеяды критиков разных лагерей уже в те годы Горький увидел в Чехове не «певца хмурых людей», не нытика и пессимиста, а прежде всего разоблачителя мещанства. «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказиками — возбуждая в людях отвращение к этой сонной полумертвой жизни — чорт бы ее побрал!» (письмо Чехову, январь 1900 г.).

Не «об'ективиста» Чехова увидел Горький, а Чехова протестующего, не примиренного с действительностью, которая рождает «человека в футляре», «унтера Пришибеева, «злоумышленника» и «хамелеона». Враг пессимизма, оттолкнувшего его впоследствии от Л. Андреева («Меня всегда раздражал его пессимизм; его — то, что он называл моим оптимизмом, и что я лично называю исторической сознательностью»), Горький в противовес всей современной критике уловил глубоко ценную для него в Чехове ноту — «ноту бодрости и любви к жизни» (Горький: «Литературные заметки»).

И наконец, великому гуманисту, для которого литература, прежде всего, была трибуной, откуда он говорил о любви и уважении к человеку, близки и дороги были рассказы Чехова, пропитанные не только глубоким знанием жизни, но и «мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает» (там же).

Реализм, любовь к человеку, к жизни—вот самое ценное в Чехове для Горького, то, мимо чего прошли равнодушно близорукие критики-современники, то, что связывает эти два имени.

Гораздо менее зорким в отношении Горького оказался Чехов, который не смог уловить основного в творчестве будущего автора «Матери». Горький, горячий и страстный борец, создатель образа гордого буревестника и вольного сокола, не был воспринят Чеховым. Внимание Чехова привлекают те горьковские произведения, в которых еще приглушенно звучал социальный протест молодого писателя. Он ценит в Горьком, главным образом, лирика («Вы по натуре лирик, тембр вашей души мягкий. Если бы вы были композитором, то избегали бы писать марши»), он восторгается «музыкальностью» и «стройностью» его ранних рассказов (см. т. V писем Чехова).

Торжественно приподнятый, иногда подымающийся до патетики стиль ранних произведений Горького с их свободолюбивыми героями, с образом безграничной морской стихии, символизирующим протест против душной и смрадной действительности, — вся эта революционная романтика воспринимается Чеховым, как утомительная риторика, как «несдержанность» еще не овладевшего мастерством писателя... «Несдержанность чувствуется в описании природы, которым вы прерываете диалоги... частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и пр. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие—и расхолаживают, почти утомляют... Часто говорите о волнах».

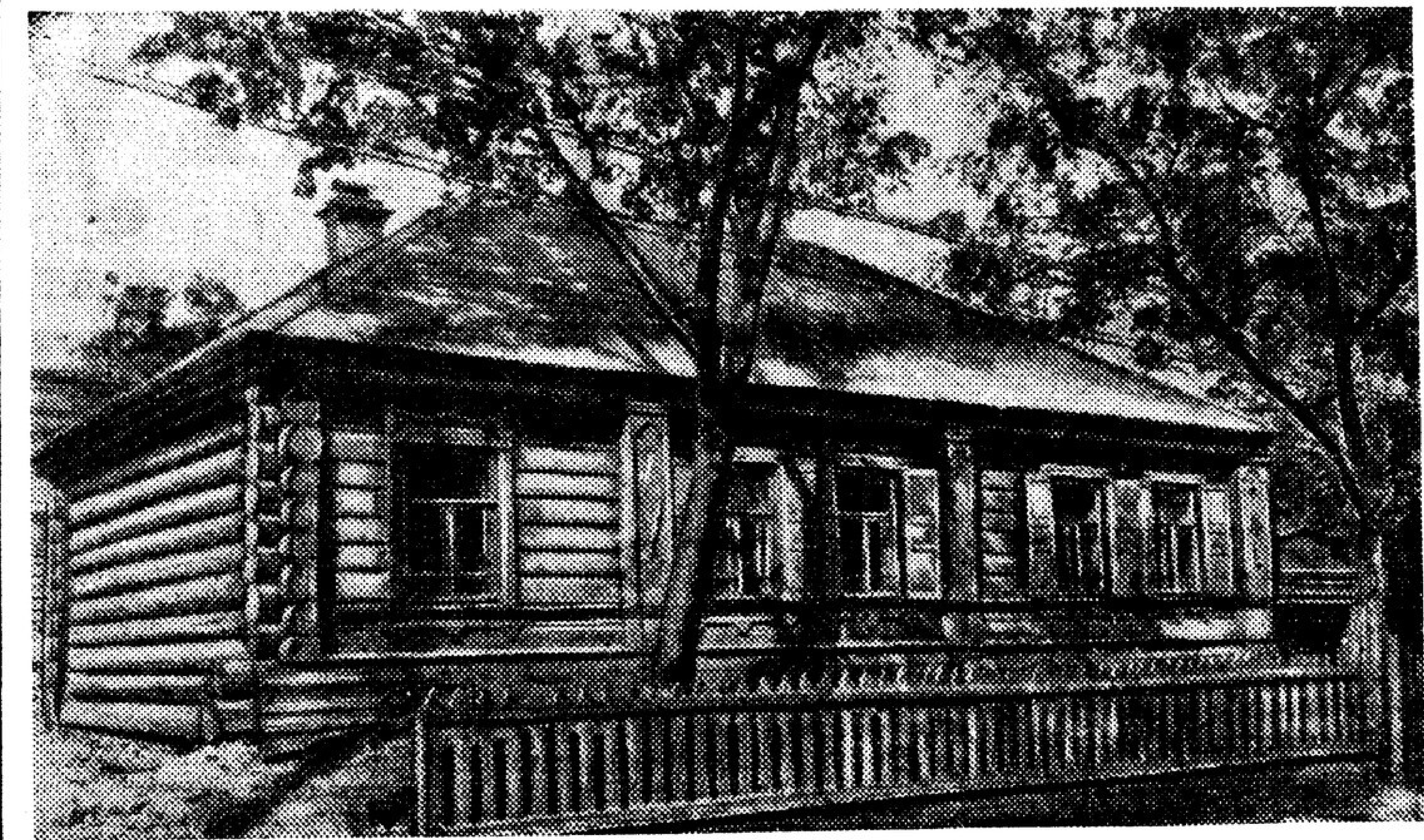
Письма к А. М. пересыпает Чехов рядом литературных советов, указаний, непосредственно обращенных к молодому автору. Признанный мастер маленького рассказа, один из лучших в мировой литературе новеллистов, Чехов учит начинающего Горького компактности, сдержанности, «грации». Лучшие заветы чеканной пушкинской прозы передает Чехов своему младшему товарищу. «Красочность и выразительность в описаниях природы, — пишет он, — достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь». «Читая корректуру, вычеркивайте где можно определения существительных и глаголов. У вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и он утомляется». И дальше в том же духе: «Пишите, пишите и пишите, пишите обыкновенно и по простецки — и да будет вам хвала велия». (Письмо от 7 июля 1900 г.).

И эту простоту чеховского письма, стремление к четкому, ясному слову, лишенному вычурности и претенциозности, не только оценил, но усвоил молодой Горький и пронес через всю свою творческую жизнь.

Взаимные оценки Горького и Чехова чрезвычайно характерны для обоих писателей, они подчеркивают идейный облик каждого из них, их эстетические взгляды. Несмотря на глубокую разность своих темпераментов, творческих профилей, они с самого начала связаны общей любовью к искусству высокой и суровой правды, к искусству подлинного реализма.

Л. ПОЛЯК

А. М. Горький на трибуне Первого Всесоюзного С'езда Советских Писателей — в августе 1934 года.

«Домик на с'езде» — на бывшем Успенском, ныне Почтовом с'езде в г. Горьком. В этом доме в семье своего деда В. В. Каширина жил по возвращении из Астрахани 5-летний Алеша Пешков. (Дом частично реставрирован).

Б. НЕЙМАН

Язык пьес Горького

Значение языка в творчестве драматурга очень рельефно подчеркнуто самим Горьким в статье **«О пьесах»**. В романе или повести, говорит Алексей Максимович, все «люди, изображенные автором, действуют при его помощи», так как писатель комментирует их поступки. Иное дело пьеса. Здесь действующие лица «создаются исключительно и только их речами, т. е. чисто речевым языком». Отсюда вытекает требование Горького, чтобы речь каждого персонажа «была строго своеобразна, предельно выразительна».

При этом Горький горячо возражал против подмены выразительности языка словарной экзотикой. Он боролся против эффектных словечек в обиходе современных писателей, разоблачал снобизм тех, кто в погоне за дешевой изысканностью делает свою речь просто непонятной.

Теоретические взгляды Горького подтверждались его собственной творческой практикой. Алексей Максимович, как автор пьесы из жизни «дна», мог вполне естественно использовать в речах своих персонажей лексикон преступного мира. Но Горький в противоположность некоторым своим предшественникам и современникам от Крестовского до Свирского остается в пределах литературного языка.

Этим языком говорит у него даже вор Пепел. Купцы Горького не употребляют специальных «купецких» выражений, и действующим лицам из «Егора Булычева и др.» в этом отношении никак не угнаться за героями хотя бы Лейкина. Легкий успех такой колоритности не прельщал писателя.

Не выходя из рамок общелитературного языка, Горький создает типическую, характерную, реалистически достоверную речь. Стоит Звонцову из пьесы «Егор Булычев и др.» произнести одну фразу, и мы узнаем адвоката-кадета, будущего комиссара Временного Правительства. Его речь — подражание провинциала думским ораторам-кадетам с той же любовью к отвлеченному политическому словарю и «великолепным» периодам и «блистательным» эпитетам.

Или возьмем речь другого персонажа незавершенной трилогии — попа Павлина. У него есть черты сходства с адвокатом Звонцовым: оба говорят безостановочно, хотя и в различных ораторских жанрах. Особую стилистическую окраску речам Павлина придают церковно-славянские цитаты, а главным образом своеобразные «книжные» выражения. Он не скажет: «мнение его неверно», а обязательно: «мнение его ниспровергается тем фактом»; для него слишком просто сказать: «пьяница», выразительней: «чрезмерно пристрастный к винопитию». Отсюда любовь к таким оборотам, как: инде, сии и т. д.

Еще более ценным в речи персонажей горьковских пьес является уменье писателя сочетать типическое с личным. Каждое действующее лицо его пьес, — фабрикант или рабочий, — говорит своим, только ему присущим, языком.

Перед нами три буржуа-эксплоататора: фабрикант Мих. Скроботов **(«Враги»)**, судовладелец Нестрашный и купец Губин **(«Достигаев и др.»)**. Всем им, властным, грубоватым хозяевам, свойственны некоторые общие черты. Им все дозволено, и не удивительно, что они не стесняются в выражениях. Но брань их различна. Скроботов человек не без некоторого лоска культуры, и потому в ругани он не переходит известных границ. «Мерзавцы», «подлецы» — звучат чрезвычайно салонно по сравнению с ассортиментом ругательств неотесанных купчин из пьесы «Достигаев и др.»: «собака», «харя», «сукин сын», «дерьмо».

Самый характер речи у каждого из этих героев свой. Скроботов говорит нервно, импульсивно, настойчиво. В нем чувствуется напор нервной воли и твердой решимости эксплоататора, борющегося за полноту «права» на угнетение. Речь Губина тоже отличается большой эмоциональностью, но эта эмоциональность совсем другого происхождения. Пьянствующий купец, самодур, он вечно находится в возбужденном состоянии. Отсюда пьяные скачки мыслей, незавершенные фразы, обилие бессистемных восклицаний. И совсем опять-таки иная речь у медленного, мрачного, несловоохотливого Нестрашного.

Горький рисует свои сценические образы обычно в их борьбе и становлении. На протяжении его пьес можно видеть, как изменяются сами персонажи и как меняется их язык. В этом отношении любопытен образ Зах. Бардина («Враги»). Вначале он — мягкий, либеральный фабрикант, предпочитающий неопределенно-мечтательные фразы и вопросы взамен утверждений.

Под конец, когда его компаньон убит и ему приходится снять личину, чтобы энергично руководить фабрикой и эксплоатировать рабочих, он меняет свой стиль, отбрасывает шелуху мечтательных слов и резко сокращает количество вопросительных предложений. Надо не спрашивать, а приказывать.

Особенно выразителен язык Вас. Достигаева. Ловкий приспособленец, он является перед нами все время различным, в зависимости от своего окружения. Вот он в домашней обстановке, когда нечего стесняться, когда все — свои и нет надобности хитрить. Он добродушно груб; он называет дочь Антошкой, а жену — Лизкой.

На миру, среди людей, среди классовых друзей, которых надо использовать, среди врагов, которых надо обмануть, речь Достигаева совершенно иная. Она становится осторожной, меткой, блестящей. Он рассыпает образцы ловкой и колкой игры словами, острит и рифмоплетствует. Его жена недаром сказала, что Достигаев «играет для того, чтобы всех обыгрывать». Он все время настороже: то он спрячется за коротким, неопределенным ответом, то, взамен ответа, сам поставит вопрос, то скажет загадочную фразу, в которой никто не разберется.

Весть о том, что в Петрограде образовалось новое рабочее правительство, заставляет Достигаева надеть новую маску, и он начинает разговаривать в новом стиле: «Ну, что же? Деды и прадеды наши из рабочих вышли, отцы с рабочими, почему же и мы не сумеем?». Достигаев приспосабливается. Ножку подставить можно будет потом, «на крутом-то пути, на неведомой дороге».

Мастерство Горького это не мастерство вообще, не искусство «само по себе». Горький никогда не становится в позу «об'ективного» писателя, который с холодным безразличием изображает персонажей своих пьес. Он разоблачает и клеймит кадетское пустословие Звонцова; разнообразные, но одинаково омерзительные облики хищников-хозяев; эксплоататора, надевшего овечью шкуру; ловкого приспособленца, всегда готового щеголять в наиболее удобной маске. И в то же время он озаряет светом любви и преклонения строгий облик женщины, отдавшей свою жизнь борьбе за счастье угнетенных.

Любовью и ненавистью пронизано творчество великого писателя; любовью и ненавистью заражает оно и нас.

Н. ПЛИСКО

Пафос труда

1.

Русская художественная литература XIX века занимала в общественном развитии России выдающееся место. Это понимали ее создатели и руководители. Белинский в своем знаменитом письме Гоголю, получившем высокую оценку В. И. Ленина, об'яснял это тем обстоятельством, что только в литературе передовые люди могли, несмотря на жестокие условия самодержавно-азиатской цензуры, выражать революционные и прогрессивные идеи.

Великие произведения критических реалистов — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Толстого, литературная и политическая борьба революционных демократов-шестидесятников — Некрасова, Чернышевского, Добролюбова выдвинули русскую литературу этого периода на одно из первых мест в мире. Энгельс в письме к Паулю Эрнсту справедливо указывал на Россию, как на страну, которая переживает действительный расцвет литературы.

Всемирно-исторические победы революционного рабочего класса России, осуществившего социалистическую революцию, явившегося наследником и преемником высших достижений человечества, нашли свое выражение и в расцвете пролетарской социалистической культуры. Рабочий класс выдвинул человека, который всем своим творчеством завоевал право стать рядом с великими гениями литературы прошлого.

Таким человеком явился Максим Горький. «По силе своего влияния на русскую литературу, — говорил тов. В. М. Молотов в день похорон великого писателя на Красной площади, — Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской, социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира».

Передовое человечество может гордиться тем, что русский рабочий класс выдвинул художника, которому удалось «столь великолепно связать века мировой культуры с революцией, с самой мощной из всех революций, колебавших землю». (Ромэн Роллан, «Памяти друга»).

Перед Горьким, пришедшим в мир чудовищной эксплоатации и жесточайших издевательств над человеком, стояли гигантские задачи. Нужно было не только усвоить и переработать великое наследие, но и заложить основы нового искусства, искусства социализма, искусства рабочего класса — носителя социалистических принципов и создателя новых материальных и духовных ценностей.

В уста Павла Власова, героя романа «Мать», А. М. Горький вложил вещие, пророческие слова, выражавшие мечту и веру великого писателя. Борец за социализм, посаженный царскими опричниками на скамью подсудимых, Павел Власов говорил: «... Наша работа освобождает мир от призраков и чудовищ, рожденных вашей ложью, злобой и жадностью, чудовищ, запугавших народ. Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; **социализм соединяет разрушенный вами мир во единое великое целое, и это — будет!**» (Подчеркнуто мною. — **Н. П.**).

Тридцать лет назад были написаны Горьким эти пророческие слова. Все без остатка физические и моральные силы свои отдал он борьбе за социализм, за воплощение в жизнь слов Павла Власова «это — будет!».

2.

Господствующие классы эксплоататорского общества относились с величайшим презрением и издевательством к труду, к человеку труда. В соответствии с этим отношением строилась эстетика эксплоататоров.

Основа эстетики А. М. Горького — труд человека. Отношение к труду как активному началу, преображающему мир, — основа всех теоретических, историко-культурных и литературных взглядов Горького.

«Если бы я был критиком, — говорил со свойственной ему скромностью А. М. Горький на торжественном заседании пленума Тбилисского совета 27 июня 1928 г. (см. «Литгазету» № 32, 1937 г.), — и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, тем, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так преувеличенно чтите, которого так любите, заключается в том, товарищи, **что он первый в русской литературе** и, может быть, первый в жизни вот так, лично **понял величайшее значение труда**, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире». (Подчеркнуто мною. — **Н. П.**).

Это убеждение Горького настолько велико, что он готов и свои литературные успехи об'яснять только личным трудом. В изумительных по силе мастерства воспоминаниях о Леониде Андрееве Горький говорил: «Я знаю, что обязан успехами моими не столько природной талантливости, сколько уменью работать, любви к труду» (М. Горький, «Литературно-критические статьи», Гослитиздат, 1937 г., стр. 224).

Естественно, что в центре горьковского творчества, как и всей социалистической литературы, стоит человек труда и борьбы, активно переделывающий и изменяющий мир. Таким образом в основу эстетических принципов А. М. Горького положено марксово учение об активном отношении к миру — не только об'яснять, но и переделывать мир.

В борьбе за утверждение социалистического реализма, в статьях о литературе, призванных направить литературу Страны советов на разрешение стоящих перед ней исторических задач, А. М. Горький подробно развивал эти положения.

«Мы должны усвоить, — говорил он в докладе на первом всесоюзном с'езде советских писателей в 1934 году, — что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, — тех, которые на протяжении веков понижали решающее значение труда — источника наших знаний, и тех идей Маркса — Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариев всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творчества науки, искусства». Исходя из этих посылок, Горький выдвигал перед литераторами Советского Союза и революционными писателями западноевропейских капиталистических стран задачу изображения человека труда. «Основным героем наших книг, — говорил он, — мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество» [1].

Эти мысли проходят через все статьи Горького о литературе [2].

Процессы, происходящие в стране социализма, совершенно невиданны и не имеют прецедента в мировой истории. В борьбе за социализм рождаются не только новые социалистические отношения, но и новые люди с новыми мыслями и чувствами.

Величественные и гигантские задачи встают перед литературой — отразить все это в волнующих и ярких художественных образах, отразить в замечательных романах, повестях и поэмах. «Не было еще такой эпохи, — говорил А. М. Горький в беседе с молодыми писателями, — когда искусство располагало бы таким разнообразным материалом, какой предлагает искусству материал нашей страны. Никогда еще литератор не пользовался такой широкой, свободной возможностью непосредственного общения с читателем, какая открыта пред ним в нашей стране [3].

[1] М. Горький, «Литературно-критические статьи», Гослитиздат, 1937 г., стр. 649—650.

[2] Очень хорошо сделал Гослитиздат, издавший на-днях сборник литературно-критических статей М. Горького. Редактор и составитель включил в сборник статьи и дореволюционные. Таким образом сборник является «первым **опытом** собрания воедино важнейших горьковских статей по вопросам литературы».

[3] «Литературно-критические статьи», стр. 603.

3.

Но наша советская литература еще даже в минимальной степени не разрешает стоящих перед ней задач. Она бледнее, нежели наша действительность.

На это обстоятельство неоднократно указывал А. М. Горький. Он являлся подлинным учителем и другом литераторов социалистической родины, он являлся **совестью** социалистической литературы.

Критика Горького была всегда принципиальной, ибо он исходил из интересов социалистической литературы, из всего своего богатейшего творческого опыта, поставленного на службу социализму.

Сколько в нашей критике было напутано по вопросу о социалистическом реализме. А между тем исчерпывающие формулировки, исходные позиции с гениальной силой и простотой были сформулированы А. М. Горьким.

«Социалистический реализм в литературе, — говорил А. М. Горький в беседе с молодыми писателями, — может явиться только как отражение данных трудовой практикой фактов социалистического творчества. Может ли явиться такой реализм в нашей литературе? Не только может, но и должен, ибо факты революционно-социалистического творчества у нас уже есть, и количество их быстро растет. Мы живем и работаем в стране, где подвиги «славы, чести, геройства» становятся фактами настолько обычными, что многие из них уже не отмечаются даже прессой. Литераторами они не отмечаются потому, что внимание литераторов направлено все еще по старому руслу критического реализма, который естественно и оправданно «специализировался» на «отрицательных явлениях жизни» [4].

Одно из требований литературы социалистического реализма Горький видел в том, чтобы писатель умел заглянуть в будущее.

Это требование находится в полном соответствии с реальной жизнью социалистического мира. Ибо без романтики, основанной на реальном изучении действительности, законов жизни, путей ее развития нельзя было Стаханову и Демченко добиться своих производственных рекордов, а Шмидту, Водопьянову, Папанину, Кренкелю и другим лететь на Северный полюс, Чкалову, Байдукову, Белякову, Громову, Данилину, Юмашеву и другим летать без посадки через полюс из СССР в Америку. Нужно подходить к любому труду как к творчеству, и тогда результаты будут таковы, какими они бывают у лучших, знатных людей нашей страны.

Со всей силой своей могучей страсти Горький обрушивался на тех литераторов, которые подходят к разрешению своих задач **равнодушно**.

Писатели, рассчитывающие «выехать» лишь на литературных навыках, приобретенных ремесленническим путем, будут отвергнуты читателем и забыты. Вот почему дискуссию о формализме Горький принял очень горячо.

«Формализм как «манера», как «литературный прием», чаще всего служит для прикрытия пустоты или нищеты души. Человеку хочется говорить с людьми, но сказать ему нечего, и утомительно, многословно, хотя иногда и красивыми, ловко подобранными словами, он говорит обо всем, что видит, но чего не может, не хочет или боится понять». Формализм часто является прикрытием «уродливого, враждебного» отношения к действительности. Так писал Горький о формалистах.

Горький прошел тяжелый жизненный путь, борясь за существование, испытывая на себе все «прелести» капиталистической эксплоатации, царского азиатского варварства. Он ненавидел все темные силы старого, рабского буржуазного мира, и всеми доступными ему средствами вел с ними борьбу. Он призывал трудящихся к разоблачению и уничтожению вредителей, шпионов, диверсантов. «Если враг не сдается, его уничтожают». Он настойчиво советовал советским литераторам показать врага в художественной литературе, раскрыть его подлые и грязные приемы, вызвать художественным разоблачением священную ненависть и гнев к тем, кто намеревается отнять добытое в кровавой борьбе счастье трудящихся.

Он говорил о том, что в самую среду литераторов пролезают враги и что нужно уметь их разоблачать; в ряде статей показал он те болезни литературной среды, пользуясь которыми враг делает свое гнусное и предательское дело.

[4] «Литературно - критические статьи», стр. 592.

4.

Перечитывая сегодня статьи Горького о литературе, начиная с «Заметок о мещанстве», опубликованных Горьким в 1905 году в газете «Новая жизнь», кончая стенограммой выступления на мартовском пленуме союза советских писателей в 1935 году, поражаешься этой удивительной последовательности литературных взглядов Горького, развивавшихся вместе с ростом рабочего класса, с развитием его борьбы. Горький, как никто из литераторов, умел подчинять каждое свое литературное и публицистическое выступление конкретным задачам борьбы рабочего класса.

Замечательное мастерство гениального художника сочетается в его статьях со страстью бойца-публициста и чутьем изумительно тонкого литературного критика.

Литературные портреты — воспоминания об А. П. Чехове, Каронине-Петропавловском, Льве Толстом, Короленко, Гарине-Михайловском, Сергее Есенине — работы, не превзойденные по тонкости анализа литературного творчества этих писателей, раскрываемого с гениальной силой.

Эти очерки о встречах с писателями помогают понять в самых глубинных истоках характер их творчества.

Но к оценке каждого из них Горький подходит с теми эстетическими принципами, которые сложились у него, как у художника пролетариата.

В Чехове он видит человека, который с большой силой понимает «значение труда как основания культуры». С Леонидом Андреевым Горький расходится во взглядах и в конце концов разрывает с ним именно потому, что Леонид Андреев представляет себе человека духовно нищим, а человеческую мысль считает лживой и враждебной.

Детали житейской обстановки писателя, замеченные Горьким и всегда раскрытые с самой неожиданной стороны, настолько типичны, что каждая из них помогает раскрыть особенности и значение творчества писателя.

Горьковские принципы и указания в очень многом не претворены еще в нашу литературную жизнь. Его заветы остаются для нас путеводной звездой. И чем полнее будет освоено его наследство, его опыт руководителя, организатора, критика, — тем успешнее будет расти советская литература, тем значительнее она будет и на международной арене.

И. АНИСИМОВ

Судьба Жюля Ренара

(1864—1910)

После того как советские читатели познакомились с повестью Жюля Ренара «Рыжик» и с некоторыми страницами из его «Дневника», опубликованными в ряде наших журналов *, они вправе спросить, почему этот замечательный писатель до сих пор остается, вернее оставался, в тени.

Трагическая судьба Жюля Ренара весьма поучительна. В форменной расправе, учиненной над его произведениями, варварство современного капитализма выявилось с особой наглядностью. Буржуазия замалчивала и травила первоклассного французского писателя. До сих пор он не получил настоящего признания.

Капитализм исковеркал жизнь этого художника, который никогда не лгал. Недавно газета «Юманите» прямо поставила этот вопрос, вопрос больной, ибо судьба Жюля Ренара очень убедительно показывает, как буржуазный мир расправляется с писателем, осмелившимся говорить правду.

С беспощадным сарказмом описал Жюль Ренар буржуазное общество. Он вскрыл гнусную лживость буржуазной морали и то, как отвратительны «герои» этого общества. Буржуа выступают в произведениях Ренара во всеоружии пошлости. Все эти господа Вернэ, Борнэ и Лепики показаны с полной правдивостью, это образы большой обличительной силы. Какой бы стороны буржуазной жизни ни касался Ренар, он неизбежно приходил к гневной сатире.

Ренар видел все безобразие буржуазного общества и с величайшим негодованием описывал его. Так в книге «Рыжик» взята обычная мещанская семья, ее быт, ее духовный уровень, вся «система» семейных отношений. Это — царство лжи, царство звериной жестокости и человеконенавистничества. Трагедия мальчика, затравленного и искалеченного поистине чудовищной семьей Лепиков, в недра которой вводит своего читателя Жюль Ренар, придает этой замечательной книге мрачный и горький колорит, который присущ всему его творчеству.

Ренар ненавидел буржуазный мир. Одним из первых произведений его была повесть «Мокрицы». Она так и не была напечатана при жизни писателя, но из нее он извлек содержание и образы ряда последующих своих произведений. «Мокрицы» существованием была для Ренара буржуазная жизнь. С огромной силой он развернул этот символ в ряде пьес («Паразит», «Ханжа» и др.) и в ряде сатирических комедий, которые никогда не имели успеха на сцене («Господин Вернэ», «Удовольствие разрыва», «Семейный очаг»).

Ничего нет удивительного в том, что буржуазное общество постаралось приглушить голос обличителя и выдать большого писателя за неисправимого чудака. Несмотря на то, что творчеством Жюля Ренара восхищались лучшие его современники, например Анатоль Франс, его произведения, что называется, были положены под сукно. Замечательный французский писатель жил и умер в полном одиночестве, как отверженный. Он не питал даже той надежды, которая вдохновляла когда-то Стендаля, что его признают в далеком будущем. Жюль Ренар ни на что не надеялся.

Но во Франции наших дней уже возникли силы, которые воздают должное прекрасной деятельности Жюля Ренара. Они извлекут его имя из тьмы забвения и раз'яснят французскому народу трагедию талантливого писателя. Об этом свидетельствует статья в «Юманите», посвященная Ренару, «честному, проницательному и бесстрашному писателю, мастеру французского художественного слова».

В 1935 году впервые появился в общедоступном французском издании «Дневник» Ренара, представляющий ценнейший документ, в котором отражена вся история жизни и творчества писателя. Эта книга, сама по себе имеющая большую художественную ценность, приподнимает завесу над драмой Жюля Ренара. Тем изумительно ясным, ярким и простым языком, который с таким старанием вырабатывал Жюль Ренар, здесь рассказано о том, чего ожидал от искусства этот писатель и что он видел вокруг себя.

Здесь прежде всего возникает конфликт между упадочной, жеманной литературой девяностых и девятисотых годов («конец века») и писателем-реалистом. Жюль Ренар дает убийственную оценку всем знаменитостям декадентской литературы. Он видит, что от произведений Бурже «несет парфюмерией», писания Барбэ д-Орвильи он называет «высокомерной белибердой», о прославленном Ростане говорит, что он «упражняется в своей грусти, как гимнастическими гирями», он видит «поддельную пышность» Уайльда, и «глупость Барреса» и «полную бездарность» подобного ему французского черносотенца Дрюммона.

Впечатление от вечера, где Ренар однажды встретился с «избранными» литераторами его времени, в частности с Роденбахом, он формулирует в одной фразе: «Почему я вышел оттуда с чувством омерзения?» С такой беспощадностью оценивал в те годы гнилое декадентское искусство только Ромэн Роллан.

Жюль Ренар прекрасно видел, что уродливая литература, «полная тусклых красот», соответствует не менее уродливой действительности:

«Мир испортил мне зрение, я становлюсь слепым!» — восклицает он.

С горечью видит Ренар, что правда, которой он требовал от искусства («у меня вкус к высокому, я люблю только правду»), по необходимости всегда превращалась в правду горькую и жестокую. «Реализм! Реализм! Дайте мне прекрасную действительность, и я буду работать, следуя ей!» [illegible]

Был лишь один просвет в мрачной жизни писателя, когда ему удалось вырваться на свежий воздух. Это были годы сближения Ренара с социалистическим движением, поразительные годы расцвета Ренара, но, к сожалению, он был уже слишком надломлен и не смог удержаться на высоте, достигнутой с таким трудом.

Жюль Ренар дает целый ряд поразительных определений, показывающих его отношение к долгу писателя: «Писать прокаленными словами», писать так, чтобы «тетива фразы была вся натянута», писать так, как Шекспир, у которого «не перестаешь видеть правду, мускулы и кровь правды», писать так «четко, как Бомарше, и полнокровно, как Рабле». Вот какой жаждой большого искусства был охвачен этот художник! «Великими людьми действительности» называл он классиков и у них учился реалистическому изображению общества. Легко представить себе то негодование, которое вызывала в нем буржуазная литература его времени — он клеймил ее, как «литературу фокусников, лжегениев, разлагающихся предателей».

Жюль Ренар создал произведения, полные гнева и сарказма. Он обнажал все пороки буржуазного мира, и ему часто казалось, что он бессилен разрушить стены своей тюрьмы. Отчаяние то и дело прорывается в его словах.

«У меня болят мысли, я устал, точно обошел планеты»...

«Художнику нет выхода в мире литературы, в этом мире воров, где хапают все...».

Из тупика, который все более угрожал Ренару, он ищет выхода, стремясь пробиться к народу. Он проводит значительную часть своей жизни в деревне, становится муниципальным советником, а позже — мэром в небольшом местечке Шитри. Он с огромным вниманием присматривается к жизни крестьянства, создает ряд произведений, проникнутых сочувствием к народу. «До сих пор говорили о крестьянах тогда, когда хотели рассказывать комические истории. Хватит смеяться! Надо приглядеться к ним поближе, вникнуть в самую глубину их несчастной жизни; здесь смех неуместен!» Эту программу Жюль Ренар постарался осуществить в своих деревенских рассказах. «Здесь остается большая часть меня самого», — пишет он, уезжая из деревни в Париж.

Жюль Ренар не ограничивается этим. Он сближается с Жоресом, становится социалистом, сотрудничает в «Юманите». С восторгом записывает он в своем дневнике от 19 апреля 1904 г., что первый номер этой газеты продан в огромном количестве экземпляров.

«138.000 читателей могли прочесть мою «Старуху»...

С величайшим сочувствием приводит он в дневнике слова Жореса: «Пролетарий не забудет человечества, ибо он носит его в себе. Он не владеет ничем, кроме звания человека. С победой пролетариата звание человека восторжествует»... И, если раньше Ренар с некоторой завистью говорил о том, что «Золя — счастливый человек, он нашел смысл своего существования» (Ренар имел ввиду деятельность Золя, как демократа и социалиста), то теперь перед ним самим раскрывается новый и широкий путь. Ренар пишет много. Его замечательно ясное, простое, «прокаленное» слово приобретает особую силу и целеустремленность. Разочарованный, ни на что не надеющийся скептик становится активным общественным деятелем. Это прекрасная пора в творчестве Ренара, пора больших надежд.

«Мечтать, мечтать самозабвенно и не показывать вида», — записывает Ренар в своем дневнике.

Ренар говорит о глубоких переменах, происходящих в его взглядах. «Она спала с меня, как кожа», — говорит он о религии. Надо отметить, что Ренар вел необычайно ожесточенную борьбу с клерикалами, за что и был прозван «пожирателем попов».

Писатель переживает пору великого обновления, сделавшись социалистом. Эта глава биографии Ренара представляет особый интерес в свете широкого движения среди современных писателей во Франции, становящихся борцами народного фронта. Жюль Ренар, прошедший путь Золя и Франса, является предшественником передовых французских писателей нашего времени.

К сожалению, этот под'ем Жюля Ренара оказался лишь отдельной главой его биографии. Жюль Ренар не сделался пролетарским революционером. Он вернулся к своему отчаянию, к горькому своему одиночеству. Он не примирился с буржуазной действительностью, не изменил своим требованиям глубокого правдивого искусства, но он утратил веру в возможность изменить мир. Этот страшный кризис запечатлен в «Дневнике» душераздирающими признаниями: «Я не живу больше реальной жизнью... Я кажусь себе отражением человека в воде...»

Полны мрака последние высказывания Ренара. Они перекликаются с теми словами, которые он записал в «Дневник» еще в 1896 году: «Вы ждете, что кто-нибудь поднимется, но никто не поднимется! Так хорошо сидеть, а еще лучше лежать».

Это последнее разочарование Ренара продолжается до конца жизни его. Большой писатель погиб в тупике. До последнего часа своего он донес беспредельную ненависть к буржуазному миру.

Эта ненависть, оплодотворившая все его произведения, великая и справедливая ненависть подняла Ренара высоко над уровнем современной ему литературы и сделала его одним из выдающихся французских писателей.

Не случайно Франция народного фронта обращает свое внимание на Жюля Ренара. Этот реалист займет то место в истории французской культуры, которое ему принадлежит по праву. Признание Жюля Ренара уже началось.

Начинается пора признания и для других французских писателей, затравленных и замолченных буржуазией, например, для Эжена Леруа, автора [illegible], тоже отщепенца буржуазного мира и социалиста.

* В скором времени Гослитиздат выпускает том избранных произведений Жюля Ренара, дающий более полное представление о творчестве этого писателя.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПИСАТЕЛЕЙ В КИНОКАДРАХ

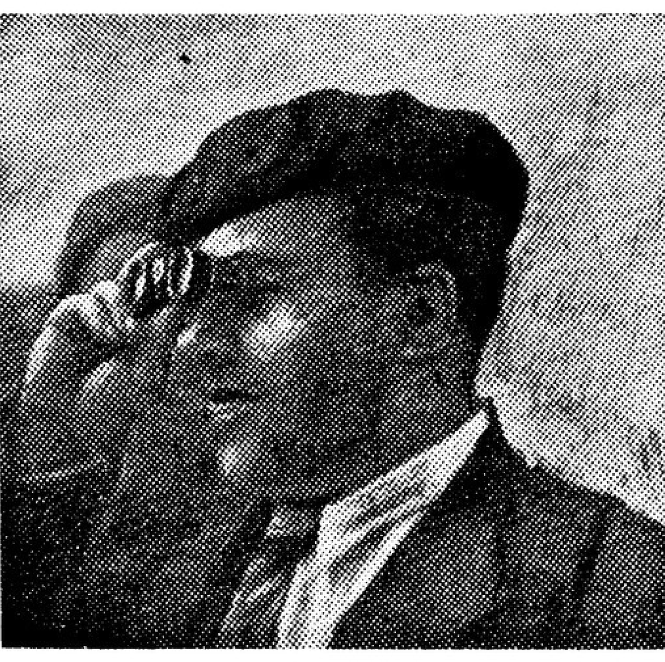
Из хроникального фильма Р. Кармен.

Раненый писатель-коммунист Густав Реглер пришел на заседание Второго конгресса антифашистских писателей мира из госпиталя. Он произнес пламенную речь, в которой призывал к об'единению писателей мира для борьбы против фашизма.

«Мы все теперь испанцы, — заявил с трибуны конгресса Густав Реглер. — Все для Испании, товарищи!»

На снимке: выступление **Густава Реглера** на конгрессе.

Делегаты Второго конгресса международной ассоциации писателей побывали во многих городах и деревнях Испании, посетили окопы, наблюдали, как героическая испанская народная армия защищает свое право на жизнь и свободу.

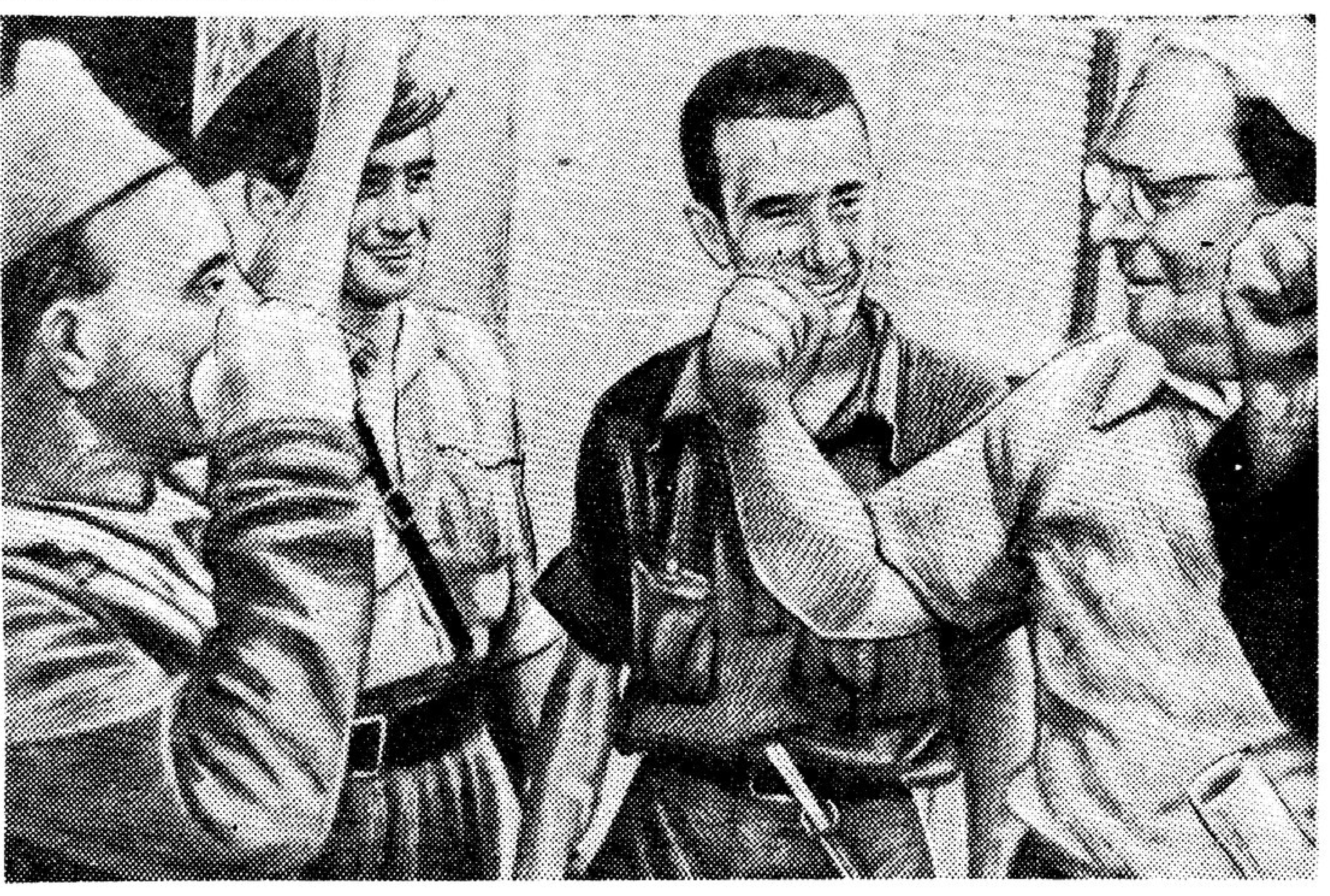
Советский делегат конгресса т. **Вс. Вишневский** осматривает исторические места гвадалахарских боев.

Порывисто, горячо принимали испанские бойцы советских писателей-делегатов Второго международного конгресса в защиту мира и культуры.

— Вы хотите увидеть лицо врага? — боец быстро отодвинулся от амбразуры.

Делегат конгресса т. **В. П. Ставский** прильнул к бойнице...

Где бы ни появлялись делегаты заседавшего в Мадриде конгресса антифашистских писателей, героические бойцы народной армии всюду горячо приветствовали их.

«Мы видели стиснутые кулаки, глаза, пылающие энтузиазмом, глаза, полные слез, глаза, горячие от благодарности», — сказал в своей речи на конгрессе т. **А. Н. Толстой**.

Момент такого приветствия запечатлен на снимке.

Делегаты конгресса рассказывают

На общемосковском собрании писателей

10 августа в Доме советского писателя состоялось общемосковское собрание писателей, заслушавшее первые отчеты членов советской делегации на международном писательском конгрессе защиты мира и культуры, происходившем в Испании. В президиум собрания были избраны тт. **Ставский, Джерманетто, Вс. Вишневский и А. Барто.**

●

Официальное слово «отчет» очень мало приложимо к ярким, проникнутым страстью и гневом против фашизма рассказам тт. Вишневского и Барто о пережитом в Испании, о ее героическом народе, ее революционных бойцах и детях.

Превращение вчера угнетенных, задавленных нуждой и темнотой масс в революционно-сознательных непримиримых бойцов получило всестороннее освещение в «отчетах» Вс. Вишневского и Барто.

Кровоточащая, израненная Испанская республика нашла в себе силы для борьбы против всего международного фашизма. Она создала моторизованную армию, мощный воздушный флот. Ее резервы, заключающиеся в изумительной солидарности и сплоченности народных масс, в их любви к свободной Испании и ненависти к фашизму, — безграничны. Эти чувства безраздельно владеют даже детьми.

А. Барто демонстрирует перед аудиторией детский рисунок. На этом рисунке маленький, но истинный сын героического Мадрида изобразил фашистский самолет, сбрасывающий бомбы над Мадридом. Под рисунком детской рукой сделана исполненная великолепного презрения подпись: «Я плюю на них».

Сопротивление, оказываемое Республиканской Испанией фашистам, — говорит **Вс. Вишневский** и иллюстрирует это многими фактами, — выше того, что можно назвать героизмом. Это настоящий революционный эпос. С эпической простотой приносят свои неслыханные жертвы народные массы Республиканской Испании.

Этот дух решимости и презрения к врагу особенно сильно выражен в Мадриде.

Испанская трагедия резко усилила во всем мире процесс размежевания за и против фашизма. Одна из многочисленных иллюстраций этому — выступление на конгрессе 72-летнего французского философа и писателя Жульена Бенда.

Два года назад, выступая на Первом конгрессе международной ассоциации писателей, Жульен Бенда говорил: «Марксизм неприемлем для Европы, он непримирим с ее традиционной греко-латинской культурой».

В своей речи на Втором международном конгрессе Жульен Бенда признал эти слова глубочайшей ошибкой. Он сказал:

— Европейской культуре угрожает величайшая опасность от фашизма; все самое дорогое для нас оскорбляется и уничтожается. И что же мы видим, кто выступает в защиту нашей культуры? В первых рядах защитников культуры идут коммунисты. Мое место, поэтому, вместе с ними. Я иду к ним.

Прибытие в Испанию на конгресс посланцев 28 стран, эта ярчайшая демонстрация международной солидарности с Республиканской Испанией — вызвала громадный энтузиазм в ее народных массах. Всех делегатов конгресса ожидала братская встреча, но с особенной теплотой и радостью встречало население Республиканской Испании братьев и сестер из Советской России.

«Да здравствует Советская Россия, да здравствует Сталин!» — эти слова так же часто вырываются из уст и сердец народа Республиканской Испании, как и слова «Да здравствует свободная Испания!».

— Мы, — говорит Вс. Вишневский, — преисполнились чувством величайшего удовлетворения и гордости, когда увидели, как высоко Сталин и мы сами, люди сталинской эпохи, подняли в мире имя человека из советской страны.

Совершенно особое отношение к советским людям иллюстрирует следующий факт, рассказанный А. Барто.

В Портбу население, встречавшее советских делегатов, обратилось к советским женщинам с просьбой посетить несчастную мать, которая потеряла на фронте двух сыновей. «Эта женщина, — говорили они, — окаменела в своем горе и даже не в состоянии плакать, мы опасаемся за ее рассудок». Но русские женщины, наверное, смогут смягчить ее горе и вызвать у нее слезы.

Разве в этом, на первый взгляд незаметном и простом эпизоде, не заключается величайшая честь для граждан Советской России?

●

Вс. Вишневский и А. Барто рассказали о своих встречах с замечательными людьми революционной Испании — Пасионарией, премьер-министром Негрином, с испанским Чапаевым — Кампесино.

Собрание почтило вставанием память погибшего в Испании смертью храбрых венгерского революционера-писателя Матэ Залка. Его народные массы республиканской Испании знали и любили, как одного из героев интернациональной части республиканской армии, революционного генерала, имя которого окружено легендарной славой. Народные массы республиканской Испании чтят его память как человека и воина, являвшегося образцом мужества, прямоты и человечности.

●

Докладчики рассказывали не только факты. Много обобщений, которые завтра станут темами для больших произведений, было рассыпано в сообщениях Вс. Вишневского и А. Барто.

Собрание постановило не открывать прений и выразило чувства, навеянные прослушанным, единодушным решением — послать приветственную телеграмму товарищу Сталину.

Решено также послать приветственные телеграммы союзу писателей Испании и Михаилу Кольцову.

Собрание постановило выразить благодарность советской делегации на конгрессе защиты мира и культуры и всецело одобрить ее работу.

Кто хозяин науки?

Книга Поля де Крюи называется иначе. «Стоит ли им жить?» — детям бедноты — с ужасом, с мукой, с возмущением вопрошает Поль де Крюи. Это книга о детях Америки, умирающих от истощения в стране неисчислимых богатств и беспредельных возможностей борьбы со смертью, предоставляемых наукой.

Ответ Поля де Крюи не допускает никакого двойственного толкования. Все дети народов всего мира могут иметь «могучую и красивую» жизнь, если отцы их восстанут против удушающего их социально-экономического строя, против «жестоких, бездушных, безмозглых поработителей».

«Стоит ли им жить?» — история «духовных родовых мук» одного из тех американских интеллигентов, для которых истина и справедливость не пустые звонкие слова, а подлинная страстная потребность.

Поль де Крюи вначале искал их в героической романтике научных открытий. Его первые книги, известные советскому читателю, — «Охотники за микробами», «Борьба со смертью» — повествуют о людях, отдававших свою жизнь научным исследованиям. Де Крюи сумел показать, что работа врача требует иногда не меньшего мужества, чем самые славные военные подвиги. Часть из этих людей жертвовала своим временем, покоем, материальной обеспеченностью, своими близкими, самой жизнью из неукротимой любознательности. Часть делала то же из полного энтузиазма желания облегчить страдания человечества, искоренить страшные болезни, уносящие в могилу миллионы детей и взрослых.

Когда де Крюи с увлечением писал об этих героях и мучениках науки, стремясь познакомить с их открытиями и их биографиями как можно большее количество людей, он еще был полон наивной уверенности, что лишь недостаточное знакомство с великими достижениями науки мешает полному уничтожению всех тех зол, средства против которых уже найдены самоотверженными учеными.

Советскому читателю трудно даже представить себе всю глубину этой политической наивности.

Первой школой политической грамоты для де Крюи были письма его читателей, которые писали ему, что не могут избавиться от своих страданий из-за нищеты, на которую их обрек капиталистический строй:

«Между тем приходили письма. Сотнями и тысячами сыпались письма однотипного содержания от больных бедняков. Они читали о медицинских открытиях, которые я прославлял, но у них не было денег на железную дорогу, или на автобус, чтобы добраться до больницы, применявшей это лечение».

После этой подготовительной последовала «средняя школа» изучения американской действительности в период кризиса. Новую книгу, которую пишет де Крюи, он вероятно мог бы назвать «Мои университеты». Он пишет ее уже вооруженный знакомством с коммунизмом, с учением Маркса, Ленина, Сталина.

Только с 1934 года этот высококультурный американец, искренно желающий действенно служить человечеству, начал знакомиться «с теорией и практикой социализма».

До 32 лет Поль де Крюи ничем, кроме бактериологии, не занимался. Свои «первые уроки писательского мастерства» он получил от Синклера Льюиса, которому помогал в работе над книгой «Мартин Эрроусмит». В предисловии к этой книге автор ее благодарит де Крюи «за его умение претворять характеры в живые человеческие образы».

Именно это умение выдвинуло «Охотников за микробами» Поля де Крюи на одно из первых мест среди книг, популяризирующих достижения науки. Некоторые «сугубо серьезные» ученые с пренебрежением говорят о произведениях Поля де Крюи. Их шокирует «легкомысленный», «легковесный» тон, каким он позволяет себе излагать сложнейшие научные проблемы. Но именно «тон» — живой, любовный юмор, часто переходящий в гротеск, и делает эти проблемы доступными массовому читателю.

«Охотники за микробами» — книга о победах человеческого гения; наверное автору радостно было писать ее. В книге «Стоит ли им жить?» Поль де Крюи часто пользуется тем же оружием — гротеском. Но из мягкого и улыбчивого он становится гневным, бичующим.

На злую карикатуру похож образ самоотверженного «борца со смертью» в капиталистическом мире, нарисованный Полем де Крюи в этой книге.

«Многие из них одержимы предрассудком, что их собственная бедность даже полезна для науки. Они готовы показать чудеса достижений почти без денег. Они с радостью превращаются в судомоек, перетирающих собственные склянки, и скотников, убирающих навоз из клеток своих обезьян, лишь бы им было дозволено продолжать раскапывание истины. Когда их жалкий бюджет придет к полному истощению, они на цыпочках, с благоговейной улыбкой пойдут в кабинеты всесильных приспешников денежных тузов, — в обязанности этих продажных людей входит выделение какой-то частицы средств богачей на поддержание науки в порядке благодеяния! Здесь наш боец со смертью, ломая шапку, будет просить о пособии»...

А получив подачку гораздо меньшую, чем ему нужно,

«наш храбрый боец со смертью вернется в свою лабораторию, может быть, и со вздохом, но без тени протеста».

Поистине жалкое зрелище! Читая эти строки, не только каждый советский ученый, но каждый гражданин Советского Союза испытывает гордость за свою родину. Он знает, что ученым его страны предоставлены безграничные возможности для спокойной работы над научными открытиями и для введения в практику этих открытий.

Какова художественная ценность этой в лучшем смысле слова агитационной книги? В ней нет «сюжета» и очень много рассуждений. Но в ней реально отражена жизнь и много умных, правильных обобщений. В ней есть и живые человеческие образы: Генри Ван-Эйк — разорившийся фермер, маленькая Жанна, погибающая от ревматизма, и ее родители, и, в особенности, доктор Дэфо, никому ранее неизвестный сельский врач, спасший жизнь знаменитых пяти близнецов Дионн.

А главное — автор сумел передать читателю свою боль, свой гнев, страсть, насмешку, призыв к борьбе, любовь к людям и веру в них.

Хотя эта книга, как и предыдущие, посвящена науке, оценивать их надо в разных плоскостях. «Охотники за микробами», например, книга занимательная и поучительная. Поучительная в смысле сообщения читателю определенной суммы знаний. «Поучительность» книги «Стоит ли им жить?» совсем другого рода. Она открывает глаза среднему американцу на истинных хозяев его жизни и показывает единственный путь к счастью всего человечества.

Поль де Крюи за последние годы узнал много такого, о чем он раньше не имел представления. Он увидел вопиющие противоречия капиталистической действительности:

«...В их большом общественном хозяйстве были: умирающие с голоду дети среди неиссякаемых запасов продовольствия; больные под самой дверью врачей, сидевших без пациентов; незащищенные от инфекций при беспредельном развитии профилактических знаний; физически дефективные у порогов больниц, которые могли бы исправить эти дефекты, но на две трети стояли пустыми».

Он начал понимать,

«что эта система, управлявшая жизнью населения моего штата, — равно, как и всех других, — не находилась в состоянии лишь легкой депрессии, а была смертельно больна, дышала на ладан».

Он понял, что никакая самоотверженность прекраснодушных врачей и педагогов, готовых безвозмездно отдавать свой труд, не спасет от гибели миллионы американских детей, пока эти дети и эти врачи подчинены волчьим законам капитализма.

«Я узнал, что ловкие люди, завладевшие нашим общим научным наследством, никогда не захотят им поделиться.

Я узнал, что их алчность, основанная на страхе, сделала их равнодушными к сердечным страданиям детей.

Я понял, что вопрос, который стоит на очереди и который в конце концов поднимает друга на друга и брата на брата, заключается в одном:

Кто хозяин науки?»

И, наконец, он понял, кто действительно может принести спасение всем этим обреченным детям бедноты, вместе с кем должен он итти. Поль де Крюи признается, что пока у него еще нехватает мужества сделать последний решительный шаг.

«Слишком тонка была кишка, чтобы бросить все и связать свою судьбу с коммунистами».

Но он уже вступил на путь, который (если он только не уклонится от этого пути) неизбежно должен привести его к коммунизму.

«И для меня стала ясна моя ближайшая задача. Я должен рассказать об этом в сильных и правдивых словах максимальному числу людей, чтобы воспламенить, разжечь и раздуть, как можно сильнее, народный гнев».

«Что я могу еще делать, как только рассказывать и рассказывать, выкладывая всего себя без остатка, пока они не запрут меня, не поставят на место, пока они не пошлют меня туда же «на дно», что они конечно не постесняются сделать, если я буду говорить все сильнее и правдивее, говорить всем, всем, кто меня захочет слушать, что в отношении убийства детей нашим экономическим строем может быть только одно решение: вперед, на борьбу!».

★

Жаль только, что перевод книги неряшлив. Таких фраз: «в отношении убийства детей нашим экономическим строем» — встречается очень много.

ГИЕВА

Поль де Крюи — «Стоит ли им жить?». Журнал «Молодая гвардия», 1937 г., кн. 4, 5, 6.

Сказки Андерсена

Выходец из семьи бедного оденсейского сапожника, Ганс Христиан Андерсен не сразу получил общее признание. Датская литературная критика долгое время его замалчивала. Однако насмешки критиков над «низким происхождением» Андерсена, издевки над его стилем не сломили воли и упорства писателя. Он пробовал свои силы в самых разнообразных литературных жанрах — в прозе, лирике, драме. Писатель победил: его роман «Импровизатор» принес Андерсену мировую известность.

Но истинное призвание Андерсен нашел только в сказках, которым он посвятил сорок лет творческой жизни.

Сказки сделали Андерсена знаменитым. Его имя еще при жизни писателя стало близким миллионам читателей всех стран мира.

«Многие сказки его стали популярными притчами, приобрели популярность пословицы» — говорится в предисловии к выпущенному издательством «Academia» сборнику андерсеновских сказок и рассказов.

Книга напечатана на хорошей бумаге и богато иллюстрирована.

Некоторые сказки даны в новых переводах.

Каждое произведение снабжено комментарием, в котором кратко рассказывается история его создания, указывается дата опубликования.

Детиздат ЦК ВЛКСМ издает повесть **С. Мстиславского** о Н. Э. Баумане **«Грач — птица весенняя»** с иллюстрациями **А. Ермолаева.**

И. СЕРОВ

О вредной книге и о пользе пересмотра книжных полок

Пересматривая библиотечные полки, иногда натыкаешься на книгу, изданную несколько лет назад и проскользнувшую как-то незаметно, без шума и обсуждения. Начинаешь ее перечитывать, и диву даешься: как могло случиться, что она могла быть издана и даже переиздана, как произошло, что она осталась незамеченной (впрочем, быть может, о ней были и рецензии, и даже положительные). И вот стоит она на полках библиотек и попадает в руки читателей. А по существу своему книга эта плохая, в библиотеке ей не место, издавать ее нельзя, политически вредно.

Одно из таких произведений, лежащее перед нами, — роман Ник. Брыкина «Стальной Мамай». Выпущен этот роман в свет ленинградским областным издательством в 1934 году, изданием вторым, исправленным и дополненным, и снабжен портретом скромного автора. Раскрывайте книгу и читайте.

Из предисловия мы узнаем, что Ник. Брыкин, будучи на Кубани в 1932 году, получил от председателя кейсугского совета сверток бумаг, оставшихся от застрелившегося белогвардейца. Среди этих бумаг — дневники. Белогвардеец полковник Ладога, скрыв свое прошлое, служил, оказывается, счетоводом в течение пяти лет в кооперативе, а затем главным бухгалтером машинно-тракторной станции.

Допустим, что все это сущая правда и что дневники подлинные. Тогда возникает вопрос: к чему же издавать их в виде романа «Стальной Мамай», да еще под фамилией Ник. Брыкина, который не является их автором? К чему вообще издавать их, чем они столь примечательны?

Быть может, из этих дневников можно почерпнуть какие-то сведения, фамилии кулаков, белогвардейцев, их планы, указания на гнезда, где скрываются враги? Тогда не проще ли передать все эти материалы следственным органам?

Впрочем, не будем наивными и не станем задавать подобных вопросов. Ник. Брыкин не совершал плагиата и не подписывал чужие дневники своей фамилией. Никаких важных сведений в них не содержится. Как и в десятках подобных случаев, оказывается, что перед нами «нехитрая хитрость», что мы имеем дело с литературным приемом. Ник. Брыкин придумал эти дневники как форму для своего романа.

Но тогда возникает другой вопрос. Зачем же понадобился этот прием? Для чего потребовалось предоставлять слово в печати полковнику дроздовского полка, офицеру Ладоге, от'явленному белогвардейцу? Чего хотел достигнуть автор, разрешая врагу на трехстах шестидесяти страницах разливаться целым потоком своих мыслей и мыслишек?

Из чтения романа выясняется, что Ник. Брыкин стремился показать глазами белогвардейца колхозное строительство на Кубани, показать классовую борьбу, показать победу колхозного строя.

Не правда ли, довольно странный замысел! Неужели нельзя было выполнить задачу — изобразить борьбу за социализм — нормальным, так сказать, способом, не прибегая к сомнительной помощи дневников бывшего дроздовца?

Посмотрим, к чему привела оригинальничающего автора эта сомнительная помощь. Прежде всего, ведя рассказ от имени белогвардейского полковника, автор должен был показать кошку кошкой. Noblesse oblige! И вот читатель вынужден прочесть восторженное восхваление деникинского приказа о наступлении на Москву и превознесение самого Деникина. Далее, полковнику Ладоге услужливый автор предоставляет место для отвратительного издевательства над словами Ленина о том, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Далее, мы находим озлобленную ругань по адресу красных партизан. Время от времени полковник Ладога цитирует в солидных количествах контрреволюционные стихи кулацкого поэта Клюева.

Одним словом, желая, чтобы читатель не забывал, что перед ним дневники врага, Ник. Брыкин то и дело предоставляет трибуну то для белогвардейских излияний, то для клеветы на большевиков, то для скорби по поводу годовщины смерти мерзавца из мерзавцев генерала Дроздовского и т. д. и т. п. И все это, очевидно, для большего правдоподобия.

Одних этих многочисленных гадостей было бы уже совершенно достаточно, чтобы признать издание романа Н. Брыкина грубой политической ошибкой. Но это еще мало.

Каким предстает перед нами этот белогвардейский полковник, этот от'явленный враг, Ладога? Что он делает, как он вредит, какие приемы пускает он в ход против советской власти, против коммунистов, против коллективизации, против машинно-тракторной станции? Может быть, мы найдем в романе раскрытие приемов борьбы классового врага, способов его вредительства, его вражеской агитации, увидим, как прячется враг под личиной мирного гражданина? Может быть, книга учит бдительности?

Ничуть не бывало. Полковник Ладога на поверку оказывается до невероятия кротким существом. Он, видите ли, «наивный мечтатель». Он занимается только тем, что ждет и держит «огни на башне» в порядке, сиречь, ведет дневник, где изливает свою душу и... больше ничего не делает плохого.

Даже наоборот. Уже из предисловия мы узнаем, что Ладога, будучи счетоводом, «зарекомендовал себя с самой лучшей стороны: был исполнителен, трудолюбив».

Далее выясняется, что он хорошо проинструктировал бригадиров и научил их, как вести учет проделанной работы, расхода горючего и т. д. Ценнейший человек этот белогвардейский полковник. Правда, он пишет какие-то там грязные дневники. Но кому это мешает, если тихое белогвардейское дитя марает бумагу? И к тому же этот исполнительный и трудолюбивый полковник скромно кончает самоубийством как раз тогда, когда Ник. Брыкин перестает нуждаться в его услугах для продолжения романа и изображения успехов колхозного строя.

Единственный только раз Ладога совершил проступок: он напечатал на пишущей машинке двадцать экземпляров контрреволюционного воззвания и ночью разбросал их по поселку. Но он быстро исправил свой грех.

В ту же ночь он собрал и припрятал экземпляры своего произведения. Нехватило только двух листовок, но их нето угнал ветер, нето содрал и уничтожил козел по кличке «Врангель». Так или иначе, на этом и закончились попытки полковника Ладоги вести контрреволюционную работу.

А сколько соблазнов выдвигал перед ним Ник. Брыкин, сколько великолепных возможностей он ему подсовывал. Тут и кулацкий саботаж, и попытка контрреволюционных выступлений куркулей, и факты, свидетельствующие о действиях вражеской организации, о существовании которой догадывается Ладога, не пытаясь, однако, ее разыскать и не стремясь к ней примкнуть.

Мало того, на триста двадцатой странице Ладога, забравшись в рощу, встречается с разоблаченным и бежавшим сотником Синицей, который, во главе группы белогвардейцев из девяти человек, организует кулацкие выступления, обстреливает трактористов и т. д. Но и здесь, кровожадный лишь в своих дневниках, Ладога остается тверд, как алмаз. Отдав дань совместным воздыханиям о прошлой борьбе против советской власти, Ладога благородно отвергает предложение Синицы запустить руку в кассу машинно-тракторной станции и снабдить деньгами кулацкую банду. Ладога не может пойти на такое предложение, он дает Синице тридцать рублей из своих собственных денег. Редкостный белогвардеец, существующий, правда, только в глубоко оппортунистическом воображении Ник. Брыкина.

Совершенно очевидно, что роман Ник. Брыкина не только неспособен воспитывать бдительность, а наоборот, он старательно ее усыпляет, он изображает закоренелого белогвардейца дроздовца, вешателя и карателя, кроткой овечкой, бездеятельным мечтателем с кукишем в кармане.

Мало и этого. Ник. Брыкин заставляет Ладогу по косточкам разбирать и опровергать написанное им контрреволюционное воззвание. Он заставляет его восхищаться самоотверженно работающим агрономом Карчевским. Полковник Ладога, ругаясь и злобствуя на одних страницах, подробно записывает на других сцены и факты, агитирующие за коллективизацию. Все спутано в этом бесконечно растянувшемся дневнике.

Всего сказанного совершенно достаточно, чтобы доказать политическую вредоносность романа Ник. Брыкина. Предоставление трибуны для белогвардейских излияний и клеветы, изображение белого офицера контрреволюционным только в своем дневнике и мирным гражданином в практической деятельности — где еще можно найти что-либо подобное? И после этого уже совсем не к чему углубляться в анализ романа. А в книге найдется еще много и много невообразимой ерунды. Но все это пустяки, о которых не стоит говорить, по сравнению с существом романа.

Ему не должно быть места на полке советского читателя.

А кроме того надо сделать вывод: наши критики и библиотекари должны внимательно пересмотреть книжные полки и позаботиться об их очищении от произведений, в свое время не раскритикованных или позабытых, но продолжающих политически вредно воздействовать на массового читателя.

ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

Разговор с писателем Бабелем

Писатель Илья Бабель неожиданно подвергся «нападению».

Это случилось в шумной и многолюдной редакции «Крестьянской газеты», в самом разгаре делового дня.

Бабель пришел туда переговорить с редактором. Доверчиво подошел он к справочному бюро.

— Пропуск бы мне к товарищу редактору.

Молодая девушка подняла голову и внимательно оглядела посетителя. Его скромный вид, очки и, как она решила, серьезная лысина, внушали доверие. Можно было бы сразу выписать ему пропуск. Но девушка была педантична в выполнении своих обязанностей.

— Ваш документ, — сухо потребовала она.

Писатель протянул ей одно из своих удостоверений.

—Бабель! —с удивлением прочла она. Эта фамилия была ей хорошо знакома. Его рассказы еще несколько лет назад она прочла с увлечением. Потом много раз спрашивала в библиотеках, нет ли новых его книг. Но новых вещей не было, переиздавались только старые. Не пишет, что ли? — думала она.

И вот судьба привела к ее окошечку самого Бабеля. Он стоит перед ней, протирая очки и терпеливо ждет пропуск.

Девушка отложила удостоверение в сторону и нерешительно спросила:

—Так вы и есть писатель Бабель?

Бабель утвердительно кивнул головой.

—Так почему же вы не пишете? — внезапно обрушилась на него девушка. — Где ваши новые книги? Почему вы не работаете?

Не ожидавший такого напора писатель смущенно молчал. Но девушка не унималась.

—Писатель вы не плохой, и читатели вас любят. Нельзя же так в наше время...

Бабелю много раз приходилось выслушивать подобные вопросы и упреки. И он давно уже научился искусно их парировать. Но одно дело, когда с подобными вопросами обращаются писатели, критики, издатели, упрекающие его от имени читательской массы. И совсем иное дело, когда об этом говорит сам читатель, непредубежденный, неискушенный в литературных спорах.

Упрек, брошенный писателю случайно встреченной им девушкой из бюро пропусков, взволновал его гораздо глубже, чем многие статьи в журналах и газетах. И он серьезно и искренно обещал ей выпустить в скором времени книгу новых рассказов.

Не ограничиваясь устным обещанием, он прислал ей следующее письмо:

«Дорогая тов.Новикова!

Слово свое я сдержу. И проверять не придется. Для честного литератора нет проверки строже и мучительнее, чем его совесть и живущее в нем чувство прекрасного.

В нас не затихает ни на минуту жажда творчества. И, по правде говоря, я часто сознательно подавлял ее в себе, потому что не чувствовал себя достаточно подготовленным к тому, чтобы писать с истинной прямотой, со страстным чувством, с ничем не ограниченной правдивостью, т.е. не чувствовал себя подготовленным к тому, чтобы писать художественно. Теперь сердце мое говорит: подготовительный этот период кончается. Пожалуйста, когда прочтете мои рассказы, скажите ваше мнение о них».

★

Газета «Натиск» — многотиражка «Крестьянской газеты»—хорошо сделала, что напечатала разговор Новиковой с Бабелем и его письмо к ней. Мы охотно перепечатываем это письмо на страницах нашей газеты, чтобы советские читатели знали об обязательстве, принятом на себя Бабелем.

Азербайджанская литература на русском языке

В начале текущего года при Азербайджанском книгоиздательстве было создано отделение по изданию азербайджанской литературы на русском языке.

Наиболее выдающиеся литературно-художественные произведения азербайджанских классиков и современных писателей будут выпущены к XX годовщине Великой пролетарской революции.

Азербайджанская республика богата народным творчеством, отражающим великую борьбу народа за освобождение, преданность народных масс делу Ленина—Сталина.

Уже подготовлен к печати сборник песен азербайджанских ашугов о Ленине и Сталине. В сборник войдут избранные песни 40 ашугов Азербайджанской республики.

Детиздат ЦК ВЛКСМ издает повесть **С. Мстиславского** о Н. Э. Баумане **«Грач — птица весенняя»** с иллюстрациями **А. Ермолаева.**

П. НЕЗНАМОВ

Стихи Михалкова

Когда хотят похвалить детского писателя, его обычно сравнивают с каким-нибудь писателем для взрослых.

И напрасно. Деятельность того и другого совершенно равноценна. Она лишь проходит на разных участках советской литературы.

Такие писатели, как Маршак, Чуковский, Квитко имеют колоссальную аудиторию, миллионные тиражи. И причина их успеха не только в талантливости, но и в правильно найденном отношении между писателем и детьми, между писателем и действительностью.

Сергей Михалков еще только входит в группу популярных писателей, но малыши безошибочным детским чутьем уже почувствовали в нем нечто близкое и свое.

«От Арктики до Артека», как сказал однажды о детских аудиториях К. Чуковский, — малыши интересуются его гиперболически приподнятым «Дядей Степой» и, весело смеясь, читают друг другу про его подвиги.

Ритм стихов Михалкова подчас еще однообразен, особенно там, где он пишет восьмистишиями; отдавая дань колыбельной песне («Светлана», «Итальянская песенка»), поэт создает ноющие, несколько заунывные строки, но и здесь обычно прорывается живая разговорная интонация:

На березах спят синицы,
А во ржи перепела...
Почему тебе не спится,
Ты же сонная легла?

Большинство его стихов легко запоминается, потому что легко входит в детское сознание. Чем дальше, тем в его произведениях появляется все больше событий и происшествий. Его путь — от колыбельного и мечтательного — к действенному. Последние его стихи, это — приглашение к деятельности, они обращаются к детской энергии.

Легкость восприятия стихов Михалкова усиливается еще и тем, что он создает зрительные и предметные образы.

В детскую литературу, еще недавно до краев переполненную стихами о животных, вплоть до плюшевых, — он внес множество разнообразных об'ектов. Он попытался продвинуть в литературу ряд новых тем.

Конечно, он не проходит и мимо животных, но это не единственные его герои. И кроме того, в этих стихах у Михалкова много действия, и животные у него совершают поступки, а не даны лишь описательно.

Ситуации, которые возникают в стихах Михалкова, вводят детей в круг вопросов, которыми живет страна. В этом отношении особенно показательно его стихотворение: «А что у вас?»

Хорошо используя детский фольклор и детские споры-игры, автор сперва юмористически живописует:

А у нас в квартире кошка
Родила вчера котят,
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

А потом, пользуясь той же шутливой формой, говорит о более значимых вещах:

А у нас огонь погас,
Это раз!
Грузовик привез дрова,
Это два!
А в четвертых наша мама
Отправляется в полет,
Потому что наша мама
Называется пилот!

Продолжая в этом же шутливом тоне, автор живописует спор так:

С лесенки ответил Вова:
— Мама — летчик?
Что ж такого?
Вот у Коли, например,
Мама милиционер!
А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры!
А у Левы мама-повар!
Мама — летчик,
Что ж такого?

Совершенно незаметно, под веселый смех и шутку, Михалков вводит ребят на территорию серьезной темы.

Столь же занятно, весело и ненавязчиво в своем «Дяде Степе» рассказывает Михалков о мужестве и героических поступках наших людей. Герой Михалкова спасает поезд от крушения, помогает на пожаре, наконец, оказывает различные услуги детям, —и обо всем этом говорится с учетом детской психологии и особенностей детского развития.

Забавно играя на смешных особенностях своего героя, Михалков заставляет читателей сперва узнать этого героя, потом посмеяться над его физическими свойствами, потом полюбить и брать с него пример. Так гиперболически-сказочный герой становится носителем правды.

Образ дяди Степы как бы отвечает требованиям А. М. Горького к детской книге.

Горький писал:

«Наша книга должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной. Она должна говорить языком образов, должна быть художественной. Нам нужна и веселая, забавная книжка, развивающая в ребенке чувство юмора. Надо создать новые юмористические персонажи, которые явились бы героями целых серий книжек для детей».

Именно таким «юмористическим персонажем» и является «Дядя Степа» Михалкова. Но для того, чтобы он стал «героем целых серий», надо еще много и основательно поработать поэту.

Менее сильны его стихи об Испании, тоже написанные для детей, но они все же подкупают своей эмоциональностью, простотой и оптимизмом.

С. Михалков, Кораблики, Детиздат, М. 1937 г., 2 р. 25 к.
С. Михалков, Товарищи, Детиздат, М. 1937 г., 35 к.
С. Михалков, Стихи, Жургаз. М. 1936 г., 20 к.

Июньская книга «Нового мира»

Выходит, наконец, шестой, июньский номер «Нового мира».

В журнале: продолжение романа «Энергия» Ф. Гладкова (начало третьей части), пьеса Л. Сейфуллиной «Наташа», малоизвестный рассказ М. Горького, рассказ П. Нилина «Матвей Кузьмич».

В номере появятся главы из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели в переводе П. Петренко, при участии и под редакцией К. Чичинадзе.

Рассказами рабочих о Ленине, записанными в Московской и Ленинградской областях, на далеком Алтае заканчивается отдел современной советской художественной литературы.

Трогательны и поучительны письма А. М. Горького к писателю И. Касаткину. В каждой строке чувствуется заботливая рука учителя и друга советских писателей.

В разделе «За рубежом» печатается книга очерков и зарисовок американской либеральной журналистки Максин Дэвис об американской молодежи. Книга называется «Потерянное поколение». В ней Дэвис приводит множество фактов, показывающих, как живет современная молодежь США.

В шестой книжке «Нового мира» читатель найдет еще большую редакционную статью «За большевистскую бдительность в литературе».

С. ИВАНОВ

«Лермонтов» Эйхенбаума

Дать подлинный образ великого русского поэта — задача ответственная и вместе с тем чрезвычайно благодарная.

Образ Лермонтова преступно извращался в дореволюционной русской литературе. Мережковские, Бороздины, Соловьевы, Скабичевские окутали имя поэта толстейшим слоем недомолвок, извращений и просто лжи. Из всей большой дореволюционной биографической литературы о Лермонтове лишь работа проф. Висковатого, отдавшего много лет делу собирания и обработки материалов о жизни и творчестве поэта, заслуживает внимания, да и то лишь как материал для биографии поэта.

Не мало извращался образ Лермонтова и в послереволюционной литературе.

Вульгарно-социологически искажал облик Лермонтова в «Литературной энциклопедии» «критик» Лелевич.

Псевдомемуары Омер-де Гелль, сочиненные в свое время Вяземским, включенные, как достоверный материал, П. Е. Щеголевым в свою «Книгу о Лермонтове» и впоследствии выпущенные отдельной книгой издательством «Academia» (1931 г.), послужили канвой для таких «художественных» произведений, как «Поэт и поэтесса» Сергеева-Ценского, «Мишель Лермонтов» его же, «Бегство пленных» Большакова, «Штосс в жизнь» Пильняка.

Хорошей биографии Лермонтова у нас нет. И мы вправе были ожидать, что в своей книге «М. Ю. Лермонтов» Б. Эйхенбаум учтет эти искажения и в том числе ошибки в своих собственных работах. Книга Эйхенбаума, предназначенная для школьников, обязывала автора к особой серьезности, к особой продуманности.

Наши ожидания не оправдались. Книга Эйхенбаума является работой неполноценной, а в ряде мест абсолютно неправильной, дезориентирующей читателя, искажающей образ поэта.

Уже с первых строк Эйхенбаум дает неправильные сведения. Автор пересказывает балладу Вальтер Скотта о шотландском барде Томасе Лермонте с ее феями, привидениями и прочими вещами, где отсутствуют какие-либо намеки на реальность, но заканчивает эту сказку вполне реалистически и с непонятной уверенностью: «Так заканчивается баллада... о Томасе Лермонте — **шотландском предке поэта** Лермонтова» (подчеркнуто нами. — **С. И.**). Несколькими строками ниже это утверждение повторяется. Сказочно, эффектно, но... неверно. Никаких решительно аргументов в пользу этого утверждения не существует, и все старания русских биографов Лермонтова добыть такие доказательства ни к чему до сих пор не привели.

Попытки Эйхенбаума опереться на самого поэта, на его строфы о Шотландии по меньшей мере наивны, ибо поэт видел, вернее хотел видеть своих предков не только в шотландских бардах, но и в испанских владетельных герцогах. Помимо того, что испанские темы в творчестве поэта занимают не меньшее место, чем темы шотландские, до нас дошел и собственноручно написанный поэтом портрет такого «предка» — испанского герцога Лермы.

Неправильный образ Лермонтова дает Эйхенбаум в описании его детства. В его пересказе поэт представляется каким-то маленьким хулиганом-беспризорником, постоянно «с кнутом в руке», кричащим на своих сверстников уничтожающим цветы, подбивающим кур и пр. и пр. Эйхенбаум строит этот образ на основании высказываний самого поэта и его прозаических произведениях.

Действительно, Лермонтов в своих произведениях наделяет Сашу Арбенина аналогичными чертами. Но никогда нельзя брать поэтическое произведение на веру, в особенности тогда, когда имеются совершенно ясные и достоверные свидетельства таких сверстников Лермонтова, как А. П. Шан-Гирей и М. А. Пожогин-Отрашкевич, воспитывавшихся в продолжение ряда лет вместе с поэтом («Русское обозрение», 1890, № 8 и «Русский архив», 1881, № 3), как А. З. Зиновьев, воспитатель 12-летнего поэта («Вестник Академии наук», 1934, № 10). Проф. Эйхенбауму, считающемуся лермонтоведом, это следовало бы знать.

Эйхенбауму понадобилось, неведомо для чего, наделить чертами революционера пьяницу-семинариста Орлова и даже отцу Лермонтова приписать такие же черты. Мемуары современников поэта отнюдь не дают оснований для такой характеристики, а наоборот, рисуют и Орлова, и отца поэта в достаточно непривлекательном свете. Заметим, кстати, что тем и велик Лермонтов, что, будучи и по происхождению и по окружению своему человеком из аристократической верхушки русского общества, он гениальным умом своим прозрел пустоту, ханжество, мерзость этого общества, противопоставил себя ему и огневыми стихами своими заклеймил его.

Наряду с такими выдумками Б. Эйхенбаум уделяет буквально лишь несколько страниц ученическим годам поэта, годам, имевшим наибольшее значение для складывавшегося мировоззрения поэта и начала его творческой деятельности. И какой благодарный материал для яркого изображения этого периода жизни имеется в документах и мемуарах современников. Мы располагаем документами о годах учения поэта, об успехах его на публичных актах в пансионе, об увлечении русскими поэтами, о первых юношеских произведениях, о поэме «Индианка», о начале работы над «Демоном», об участии в рукописном школьном журнале. Всего этого Эйхенбаум не заметил.

М. Ю. Лермонтов в детстве. С гравюры на дереве.

В то же время он находит достаточно места для многочисленных анекдотов из области юнкерского периода жизни Лермонтова, периода абсолютно пустого в творческой его деятельности. В этих анекдотах тонут правильные, исторически верные и политически важные указания на влияние Чаадаева, на участие поэта в кружке 16-ти.

Наивно подходит Эйхенбаум к характеристике взаимоотношений Николая I и Лермонтова. Здесь автор совершенно бессилен. Он нудно описывает, как Лермонтов трижды видел царя, и как в последнюю встречу «казалось, что он и **спиной продолжает рассматривать Лермонтова»** (подчеркнуто нами. — **С. И.**). Что за мистика?! А где же показано, как складывалось мировоззрение поэта, как росло в душе его отрицательное отношение к аристократии, к самодержавию, как выковывался свободолюбивый дух? Где же картина взаимоотношений поэта с правящим классом, так ярко нарисованная самим Лермонтовым в письмах своих к Верещагиной, Лопухиной, Шан-Гирей? Где же картина лютой злобы Бенкендорфа и царя к поэту, злобы, поставившей Лермонтова под пули горцев, под пулю Мартынова, злобы, олицетворенной в словах царя, сказанных при получении известия о смерти поэта: «собаке — собачья смерть», «туда ему и дорога» (свидетельства Вяземского, Васильчикова, Лорер, Воронцовой).

Не заметил Эйхенбаум и трагедии поэта, задыхающегося в тисках дворянского общества, стремившегося выйти в отставку и не имевшего возможности это сделать. Не заметил он и широких замыслов Лермонтова, который задумал основать свой журнал, мечтал о создании ряда монументальных романов. Эйхенбаум прошел и мимо Белинского, высказывания которого о Лермонтове должен был бы положить в основу работы о поэте.

Биография Лермонтова, написанная Эйхенбаумом, порочна в основных частях своих. Вопросы о предках поэта, о детстве, о взаимоотношениях с дворянским обществом, с царем освещены неверно. Ученические годы, период становления мировоззрения и начала творчества, — слабо освещены в книге. Внутренняя жизнь поэта, его одиночество, его борьба со «светом» — не отражены.

Книга написана неровно. Есть страницы, изложенные живым, увлекательным языком, но многое в биографии написано крайне сухо (отметим, кстати, что именно анекдотическая часть книги написана увлекательно, а важнейшие части ее, где говорится о Чаадаеве, кружке 16-ти, даны необычайно сухо, канцелярским языком).

Прекрасная бумага, четкий, чистый шрифт, отсутствие опечаток, хорошо подобранные иллюстрации, изящный переплет, — все это резко диссонирует с содержанием книги.

Необходимо со всей прямотой сказать, что книга Эйхенбаума не дает нашим детям сколько-нибудь верного представления о Лермонтове, искажает облик поэта, и поэтому издание ее должно быть признано литературным браком.

Б. Эйхенбаум, «М. Ю. Лермонтов», Детиздат, 1936 г., стр. 158, ц. 4 руб.

Горький о религии

Издательством «Молодая гвардия» подготовлена к печати книга **«Горький о религии».**

В ней собраны статьи, высказывания и афоризмы великого писателя о религии.

В литературном разделе книги дается отрывок из «Фомы Гордеева».

Антирелигиозная библиотечка

Издательство «Молодая гвардия» решило выпустить **библиотечку художественной антирелигиозной литературы** для массового читателя.

В библиотечку войдут рассказы и отрывки из романов классиков и современных писателей.

В этом году должно быть издано **20** книжек.

Уже подготовлены и сданы в производство небольшие рассказы А. П. Чехова, Под'ячева, А. Неверова, Мопассана, Г. Успенского, Д. Лондона, отрывок из романа «Воскресение» Л. Толстого и отдельные новеллы Боккачио.

Книжки этой серии будут об'емом 1—2 печатных листа. Тираж — 50—100 тысяч экземпляров. Цена каждой книги не будет превышать 35—50 копеек.

Трибуна читателя

ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ ПОШЛОСТЬ

Давно уже не появлялись рассказы П. Романова в журналах. Но вот журнал «Октябрь» печатает в № 7 рассказ П. Романова «Интеллигенты». Рассказ небольшой, каких-нибудь полторы странички, но сколько в нем обывательского, желчного брюзжания.

Из подмосковного санатория в автомобиле возвращаются мужчина и женщина. Завязывается беседа. Мужчине явно не по душе советская интеллигенция. По его мнению, она хилая, хлюпкая, беспомощная, в ее жилах течет какая-то жидкая кровь. Спутницу свою, по виду, он причисляет именно к этой категории и относится к ней иронически, явно недоброжелательно. К тому же спутница увлекается чтением книг, а это, по его мнению, один из «грехов» гнилой интеллигенции.

Но кто же он, этот разоблачитель сущности интеллигенции?

Он прошел суровую школу жизни, тяжелый путь.

Был кухонным мальчишкой, служил кучером у помещика, а теперь вот — инженер транспорта.

— Да ведь это типичный советский интеллигент, — скажет читатель. — В чем же дело? Чем он недоволен? Почему он самобичеванием занимается?.. Оставим это на совести автора, — не в этом суть.

Оказывается, и спутница противоречивого инженера не из «белой кости». Она «девчонкой гусей стерегла, а потом в совхозе коров выхаживала, за это... орден дали и послали в институт общественного питания учиться».

Недоразумение выяснено. Тема беседы исчерпана. К тому же произошла авария с машиной. Может быть, автор здесь и точку поставит, тем более, что он своим худосочным изложением уже успел утомить читателя?

Но нет, автор приготовил для читателей сюрприз. Он сталкивает инженера и студентку-орденоносца с группой прохожих. Еще до этого столкновения инженер рассказывает спутнице, что его родственники в колхозе говорят «с завистливым недоброжелательством» о том, что он «больно высоко полез». Еще больше недоброжелательства обнаруживают случайно встреченные на шоссе колхозники.

Колхозники запальчиво поносят эту пару, недвусмысленно бранят ее, причем с желчью, зло. За что? За то, что на машине ездят («Тут идешь, не разбираешь, весь хвост (?) мокрый»), за то, что в санатории отдыхали («небось, нашего брата в эти санатории не пускают»).

Резюмирует эту «дискуссию», а вместе с тем и весь рассказ, старик:

«— Справедливости на земле не ищи».

Здесь, очевидно, должна действовать ирония, но вместо иронии получилась клевета — результат глубоко обывательского представления П. Романова о советской интеллигенции и об отношении к интеллигенции колхозников.

Советская интеллигенция тесно связана с народом, живет его интересами. Колхозное крестьянство знает, что советская интеллигенция строит вместе с ним социалистическое хозяйство. Пошлая «проблематика» П. Романова остается на его собственной совести. Ни к нашей интеллигенции, ни к колхозникам она не имеет никакого отношения.

Рассказ «Интеллигенты» — антихудожественный, пошлый рассказ. Это ясно даже для школьников.

И. ЗАСЛАВСКИЙ
В. ЗОЛОТАРЕВА

Киев

— Тоже человек был! — проговорил он, видимо любуясь мертвецом.
— Да, попался бы ему, спуска бы не дал! — отозвался один из казаков.

Рис. академика Е. Е. Лансере

Издательство «Academia» готовит к печати «Казаки» Л. Н. Толстого с иллюстрациями академика Е. Е. Лансере.

А. КОТЛЯР

Беззастенчивая реклама

Проблема новеллы, маленького рассказа в советской литературе, несомненно, достаточно актуальна. Недаром за последние годы был об'явлен ряд конкурсов на маленькие рассказы; заметных результатов, к сожалению, эти конкурсы не дали. И вот, оказывается, проблему эту удалось разрешить издательству «Советский писатель».

Оно обрело, по его мнению, в лице Н. Кауричева наследника Мопассана, Чехова, Мериме и других мастеров новеллы в мировой литературе. На общественном обсуждении книжки Н. Кауричева «Полные воды» сам автор и его редактор из издательства «Советский писатель» говорили об этой книжке как об образце искусства маленького рассказа.

Что же представляет собой эта книжка?

Вот, например, рассказ «Маша». Некий учитель долго, безнадежно любит крестьянку Машу. Учитель какой-то допотопный, точно извлеченный из старенького журнала «Нива».

«На селе трубит в рог приятель охотник, и заливаются взволнованные собаки. Завтра на охоту». «Учитель проходит по усадьбе. На площадке школьники играют в городки. Ему подают палку, и он ловким ударом выбивает из круга сразу целую фигуру. Ребята прыгают и визжат. Потом они гурьбой бегут в школу, и уроки пролетают так быстро, что ни школьникам, ни учителю не хочется уходить из класса». Трубит рог, пролетают уроки, а потом автор спохватывается и решает отметить время действия. «Переходи к нам в бригадиры, — кричит учителю какая-то колхозница». Так отдана в рассказе дань времени, а дальше все это заканчивается «лирикой». «Ночам, ветрам, дождям и туманам не будет конца. И среди непроглядных ночей в деревянном домике вспыхнет огонек лампы и улыбнется человеческой силе, доброте и счастью жить и работать». Этот, написанный весьма старообразным слогом рассказ, как видим, просто бессодержателен. Трудно понять, что к чему и для чего!

Следующий рассказ — «Сын». Герой случайно встречает мальчика, оказавшегося его сыном. У героя есть хорошая, любимая жена, но он быстро решает ее оставить и ехать к давно забытой, когда-то мимолетно встреченной женщине, к сыну. Своего сына он увидел впервые в жизни и пробыл с ним всего несколько минут. Совершенно естественно горячее желание немедленно позаботиться о ребенке, но совсем не оправдано, что разрыв с женой, которую по-настоящему любит наше герой, и его от'езд к новой семье совершается без малейшего затруднения.

Психологическая ценность подобных переживаний весьма сомнительна.

Дальше следуют рассказы отнюдь не лирического склада.

Это уже, так сказать, происшествия необычные, с «остраненной» концовкой. Вор-профессионал («Сумочка») украл у девушки сумочку, потом раскаялся, выручил девушку, оставшуюся без денег, «корректно» ухаживал за ней, но, чувствуя, что скоро попадется, распрощался с ней. И все. «Вера получила письмо. Незнакомый человек в почтительных и теплых выражениях сообщал, что его друг, а ее знакомый, Михаил Петрович Тарунин, утонул, купаясь в реке на даче». Все это изложено галопом на трех страницах. И хорошо, что только на трех! Стыдно читать такую мелодраматическую чепуху.

И, наконец, два рассказа на одну и ту же тему — об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом.

Это большая, ответственная тема, но автор не очень затруднил себя. Две школьницы готовятся к зачету у открытого окна, маляр красит дом, спускаясь в люльке к окну. Девушки сообщают ему, что песня, которую он пел, принадлежит Рылееву. Маляр благодарит за сведения. А на другой день во время зачета маляр оказывается доцентом литературы и подтрунивает над девушками. Оказывается, он красил дом потому, что «меня земляки летом вспомнили, когда им туго пришлось».

Трудно поверить, что это не юмористический рассказ!

В таком же роде и рассказ «Практикант».

Во втором разделе книги большинство миниатюр — для маленьких детей: «Чиж», «Заяц», «Дикий теленок», «Скворешня» и др.

Не довольствуясь выпуском в свет этой весьма неудачной книжки, издательство «Советский писатель» решило провести «массовую работу» — обсуждение книги на собрании читателей-метростроевцев.

Любопытны высказывания рабочих метростроевцев о книге в целом.

Тов. Хромченко: Рассказы бессодержательны, но поскольку они легко читаются, несколько стушевывается их бессодержательность.

Тов. Комаров: Все товарищи в недоумении от этой книжки. Я вижу это недоумение на лицах многих товарищей и чувствую его сам.

Тов. Козлов: Мне кажется, что если бы я читал их в добровольном порядке, т. е. не для того, чтобы обязательно высказать свое мнение, то вряд ли я прочитал бы всю книгу до конца.

Как будто читатели книжки Кауричева высказались достаточно ясно. Правда, были кое-какие «смягчающие» отзывы вроде того, что книга читается «легко», что она «лирична» и т. п. В основном же, как видим, книга была оценена сурово.

Как же реагировали представители издательства «Советский писатель» и сам автор на критику рабочих-метростроевцев?

Своеобразную позицию занял редактор книги А. Тарасов. Он сказал: «Некоторые товарищи старались разрешить вопрос, на какой возраст рассчитана книжка. Мне думается, что этот вопрос праздный. Роль играет, главным образом, качество книги, а не то, на кого она рассчитана. Если рассказы хорошо написаны для детей, то их с удовольствием читают и взрослые. Если для взрослых хорошо написано, то и детям хорошо их прочитать».

Нечего сказать: раз'яснил! Если последовать мудрому совету этого горе-редактора, то «хорошо написанную» «Анну Каренину» можно давать малышам, а «Мойдодыр» — предложить вниманию взрослых. Должно быть, товарищи-метростроевцы с таким же недоумением отнеслись к этому «квалифицированному» раз'яснению, как и к большинству рассказов Кауричева. Дальше Тарасов сообщил, что в области мелких рассказов никто не работает. Кауричев чуть ли не единственный взялся за этот жанр и... «в этом его мужество».

А затем посыпался дождь похвал: «свежая лиричность», «исключительная зоркость художественного зрения» и т. д. и т. д.

Под конец своей речи Тарасов спохватился и сказал, что «Кауричеву совершенно необходимо **итти в народ,** в деревню, как это делает Михаил Шолохов», так как рассказы Кауричева несовременны.

Ну что ж, и на том спасибо! А то мы готовы были зачислить Кауричева в классики современной новеллы!

Однако, занятнее всего на этом собрании оказались некоторые мысли самого Н. Кауричева о нашей литературе и о самом себе. Он прямо так и заявил:

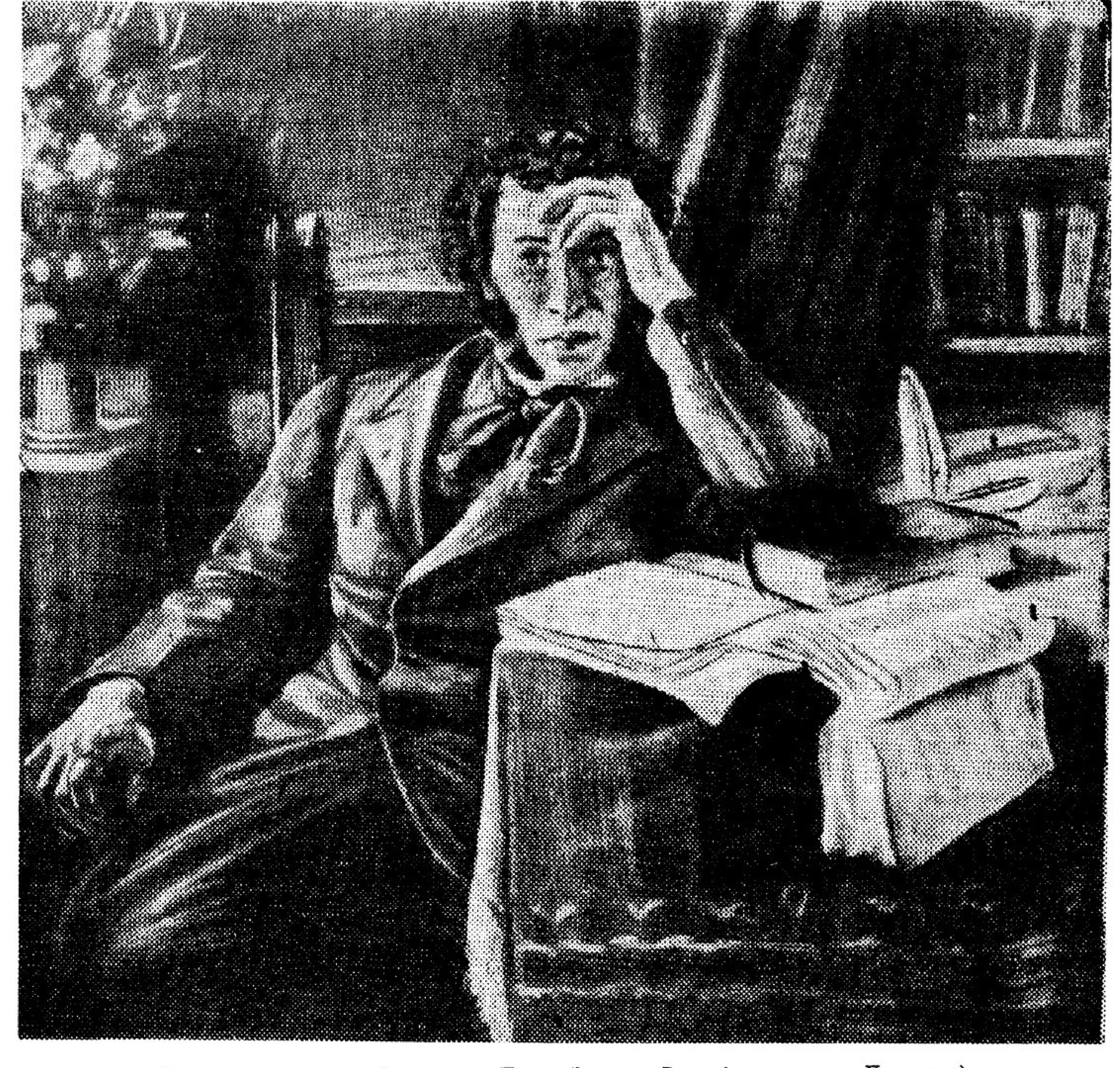
«Я считаю, что сейчас надо бороться против больших полотен, потому что я знаю хороших писателей, которые никак не могут кончить начатые произведения». «Я в позу какого-нибудь писателя не становлюсь. **Сама жизнь поставит».**

«Возьмите рассказы Мериме, Мопассана, Чехова. Товарищи говорят, что о каждом моем рассказе приходится говорить отдельно. А разве о каждой новелле Мериме не приходится говорить отдельно? То же самое и Чехов. Просто мы отвыкли от этого дела». Вот с какой милой скромностью выступал Кауричев!

Первое условие работы с массовым читателем художественной литературы — это политическое руководство его чтением, воспитание его художественного вкуса.

Издательство «Советский писатель» занялось как раз противоположным. Вместо того чтобы, прослушав довольно резкую критику собравшихся, проявивших гораздо больше понимания и вкуса, чем те люди, которым поручено дело издания художественной литературы, и признать свою ошибку, издательство «Советский писатель» в лице своих представителей принялось усиленно расхваливать свою негодную продукцию.

Николай Кауричев, «Полные воды», изд. «Советский писатель», 1937 г., 97 стр., 2 р. 25 к. Редактор А. Тарасов.

«Пушкин» — картина **Сереженко.** (Город Энгельс. Республика немцев Поволжья).
Всесоюзная выставка самодеятельного изобразительного искусства, открывающаяся в Москве 18 августа.

Художники-пропагандисты

Из поколения в поколение передают народные певцы: акыны, ашуги, бахши, гафизы, героический народный эпос, легенды и сказания о выдающихся событиях истории своего народа, создают новые современные песни, отражающие чувства народных масс.

Всему Союзу известны имена Джамбула, Сулеймана Стальского, Абдулла Шаира.

Особой популярностью пользовались в прошлом и пользуются в настоящее время азербайджанские ашуги.

Славная плеяда народных певцов Советского Азербайджана не только передает трудящимся ставшие классическими образцы народного творчества, она создает новые советские песни.

В конце июля Азербайджанская государственная филармония организовала ряд концертов для рабочих Баку. Для участия в этих концертах приехали из районов выдающиеся ашуги. Успех, который они имели, свидетельствует об огромном интересе и любви к народному творчеству и исполнителям фольклора.

Познакомимся с пятью выдающимися участниками бакинских концертов.

Ашугу **Асад Рзаеву** из Геокчая — 63 года. Он пользуется огромной популярностью в Азербайджане, Армении и Грузии, 46 лет он поет свои песни, передает любимые сказания о народном герое Кер-оглы. У него хорошо сохранившийся голос, юношеский темперамент, изумительная выразительность исполнения.

Асад — старый ашуг. В юности он был батраком-пастухом. Но его тянуло к песням, к творчеству. 20-летний пастух с большим трудом собрал деньги, купил себе саз и с тех пор Асад стал ашугом.

Я, простой ашуг по имени Асад,
Говорю: «Ты нашу жизнь взрастил,
как сад!
Прошлых дней враги для нас не
воскресят.
Все народы шлют тебе селям,
живи!»

Песня старого ашуга посвящена великому вождю народов, товарищу Сталину.

Творческая биография ашуга **Мирзы Байрамова** из Тауза начинается с первой русской революции 1905 г. За дерзкие революционные песни Мирза Байрамов неоднократно подвергался преследованиям.

Но мрачные дни прошли. В свободной стране социализма звонкий и задушевный голос ашуга создает новые песни, песни радости. Естественно, что в этих песнях почетное место занимает имя того, кто несет счастье человечеству.

Зодчий счастья моей страны,
Слава имени твоему,
Светом радости и весны
Озарил ты тупую тьму.

Так поет ашуг Мирза из Тауза.

Два ашуга — из Шамхора. Отец и сын: отец-ашуг **Авак Азарян,** сын-ашуг **Самвел Азарян.**

Ашуг Авак широко известен. Он много раз выступал на соревнованиях. Его сын, молодой ашуг Самвел, сумел показать на концерте в филармонии, что у него есть творческая индивидуальность. Их песни, звонкие и красочные, посвящены нашей прекрасной родине, зажиточной колхозной жизни, стахановцам.

Пятый участник концертов, ашуг **Ибрагим Алиев** — из Кировабада. Он был батраком у беков.

Ашуг Ибрагим пел на концерте о светлых и радостных днях настоящего, о мире «обильном и культурном, принадлежащем нам».

В любом районе Азербайджана — Нухинском, Кировабадском и др. — ашуги пользуются любовью и гостеприимством.

Не раз отмечалось, что союз советских писателей Азербайджана не уделяет достаточного внимания творчеству ашугов. Много талантливых народных певцов нуждается в помощи и внимании. Необходимо работать над повышением их культурного и политического уровня. Создаваемые ашугами новые революционные песни, выражая подлинно народные эмоции, чаяния и мысли, обогащают советскую литературу Азербайджана:

Оглянувшись, посмотрел я в даль
веков,
В глубь истории — и вывод мой
таков,
Равных нет тебе, о, вождь
большевиков,
Нам мудрейшего история дала
Из вождей, что за столетья
родила.

И. АНУР

Конкурс Музгиза

Об'явлен конкурс на лучшую советскую массовую песню к двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Конкурс организуют Государственное музыкальное издательство, союз советских писателей и союз советских композиторов.

Участвовать в конкурсе, предусматривающем создание лучшего текста и лучшей музыки для массовой песни, **приглашаются все советские поэты и композиторы.**

Песня должна быть простой и доступной по форме, мелодичной, эмоционально насыщенной и художественно законченной. Тематика песен может быть самой разнообразной — героическая борьба советского народа и зарубежного пролетариата за социализм, защита родины, трудовой героизм, СССР — семья народов, Великая Сталинская Конституция, быт рабочих, колхозников и Красной Армии, жизнь советской молодежи, советская семья, женщина, любовная песня, колыбельная, детская, пионерская, студенческая, спортивная и т. д.

Песни должны быть рассчитаны на индивидуальное или хоровое исполнение и могут быть с инструментальным сопровождением (фортепиано, баян и т. д.) и без него.

За лучшие поэтические и музыкальные произведения устанавливается 10 премий (5 за текст и 5 за музыку): две первых премии — по **5** тысяч рублей, 4 вторых — по **3** тысячи рублей и 4 третьих — по **1** тысяче рублей каждая.

Срок конкурса — **1 октября 1937 г.**

Н. ДМИТРИЕВ

Труды и дни издательства «Академия»

Несколько лет назад в издательстве «Academia» подвизалось немало троцкистских выродков. Покровительствуемые обер-бандитом Каменевым, они чувствовали себя здесь в безопасности.

Враги были разгромлены. В 1935 году в издательство «Academia» пришли новые люди. Но пришедшие без должной бдительности отнеслись к каменевскому «наследству». Они не распахнули настежь окон и дверей, не проветрили издательства.

В «Academia» опять пролезли люди, которые стали культивировать семейственность, подхалимство, принцип круговой поруки, всячески зажимать критику и самокритику. В их числе — бывший главный редактор издательства Л. Полонская.

Обманывая партию и опасаясь разоблачений, она окружила себя в издательстве «своими» людьми.

Под ее крылышком подвизался в качестве старшего редактора сектора русской литературы бездарный и малограмотный проходимец И. Рубановский.

Не страдая излишней скромностью, он забрал в свои руки редактирование почти всех книг, выпускаемых этим сектором. Благо порой и трудиться не приходилось. Еще до прихода Рубановского в издательстве «Academia» были подготовлены к изданию три тома Пушкина. Рубановский, даже не просмотрев рукописей, подписал их к печати. За эту коротенькую надпись: «к печати» ему, по распоряжению Полонской, уплатили довольно круглую сумму.

Заместителем заведующего сектором оформления в издательстве числится Орликова.

Она не художник. Она не полиграфист. Она даже не обладает элементарными знаниями издательского дела. Заказывая художнику иллюстрации, Орликова не может указать формат издания. Художник Белов из-за ее технической неграмотности отказался впредь вести с ней переговоры. Однако Полонская всячески поддерживала Орликову.

В свою очередь Орликова беззастенчиво рекламировала «добродетели» главного редактора, лебезила и подхалимничала перед начальством. По ее инициативе общее собрание сотрудников, посвященное 19-й годовщине Великой Пролетарской революции, послало приветственную телеграмму находившейся в Москве Полонской.

На должность заместителя директора издательства по административно-хозяйственной части Полонская устроила В. Фейгеля. Что делает Фейгель на этом посту — трудно сказать. В июле он ездил в Ленинград для того, чтобы ускорить выпуск X тома собрания сочинений Гейне и VII тома Шиллера. Фейгель «блестяще» выполнил это задание. По плану десятый том Гейне должен быть выпущен типографией в августе, а седьмой том Шиллера — в июле. Теперь, после деятельного вмешательства Фейгеля, типография получила право выпустить оба тома в двадцатых числах сентября.

Полонская потакала и управделами Коромыслову — жулику, авантюристу, сбежавшему с издательскими деньгами.

В тесном контакте с Полонской работал ее помощник, студент литинститута В. Глубжин. Ему было отдано на откуп специальное редактирование ряда изданий. Совершенно не зная иностранных языков, «спец» Глубжин редактирует Шекспира, Надсона и других писателей.

Полонская — главный редактор издательства! Но как ни странно, она невежественна и безграмотна.

Она обвинила... А. Франса в контрреволюции и задержала выход четвертого тома его сочинений. Она обвинила... П. Мериме в клевете на... советскую женщину и потребовала снять эпиграф к его повести «Кармен».

На издание полного собрания сочинений А. С. Пушкина «Academia» заключила договор с бригадой пушкиноведов (Томашевский, Бонди, Цявловский и др.). А несколько дней спустя с некоторыми из этих же авторов были заключены договоры на издание отдельных сказок А. С. Пушкина. Таким образом за один и тот же материал авторы получали двойную оплату.

Этими авторами все же был представлен материал, а находились люди, которые получали деньги буквально за «честное слово». Так, редактору С. Рыкову было выплачено свыше тысячи рублей за специальное редактирование стихов Торквато Тассо, хотя эту работу проделал другой редактор.

Художнику Ушину еще два года назад выдали 10.000 рублей за иллюстрации к новому изданию книги «1001 ночь». Иллюстраций этих нет и по сегодняшний день.

«Подкормился» в издательстве и художник Кузьмин. За повторное издание его рисунков к «Евгению Онегину» ему заплатили полную ставку, как за новые иллюстрации.

Десятки тысяч рублей были выплачены чуждым, враждебным людям.

Огромное количество договоров на рукописи заключалось без учета плана работы издательства. На сегодня в недрах издательства лежит без движения около 7 тысяч авторских листов. Когда они будут изданы?

— Возможно в 1940 или в 1941 году.

В то же время в производство не сдаются произведения, намеченные планом. Только за первое полугодие редсектор не сдал: восьмой том полного собрания сочинений Шекспира, второй том сочинений Т. Г. Шевченко, первый том «Античной мифологии», «Лирику» Мицкевича и т. д. В июле не сданы в производство 7 названий.

Но если рукопись даже сдана в типографию, то это, оказывается, не значит, что она отредактирована и в скором времени выйдет в свет.

В среднем книги «Academia» находятся в производстве 13—14 месяцев. Некоторые же рукописи проходят производственные процессы **годами.** Альбом «Армения» маринуется 3 года. Приблизительно таков же «производственный» стаж «Армянской антологии».

Особенно возмутительна история издания первой части книги «Революционные поэты Германии». Рукопись была готова еще 21 августа 1935 г. По неведомым причинам набор и печатание этого сборника были переданы в типографию г. Смоленска. Передали и забыли. Вспомнили лишь в ноябре 1936 г. В Смоленск послали специального человека «толкача», который привез верстку. Отредактировали, отослали в Смоленск и опять забыли.

В феврале 1937 г. в Смоленск снова едет «толкач» выручать сборник. Но здесь выясняется, что печатать книгу в смоленской типографии невозможно: бедна полиграфическая база. Что делать? Решили заматрицировать верстку, привезти в Москву и отпечатать в одной из столичных типографий.

Так и сделали. Перед нами оттиски привезенных матриц. Страшное зрелище. Печатать нельзя, так как листы испещрены ошибками.

Неужели издательство «Academia» не знало о производственных возможностях смоленской типографии? Очевидно знало, но... беспечность и безответственность — характерные черты работы издательства.

По этим же двум причинам за первое полугодие издательство уплатило типографиям за простой шрифтов 45.000 руб. пени. По этим же причинам в полиграфических предприятиях лежат мертвым капиталом в незаконченном виде десятки названий, общей стоимостью 3,5 млн. рублей.

А сколько обходится издательству так называемая авторская правка? При издании 1-го тома «Очерков по истории архитектуры» Брунова «Academia» заплатила типографии 2851 рубль. Оказалось, что редактор очерков исчеркал гранки так сильно, что значительную часть набора пришлось сделать заново.

В результате безответственного редактирования однотомника Лескова и Короленко потребовалось 453 часа дополнительной работы наборщика.

За несвоевременную сдачу в типографию редакторами: Векслером — корректуры избранных сказок Щедрина — уплачено 750 р.; Рыковым — корректуры «Илиады» — 1950 р.; «Одиссеи» — 2 тысячи рублей; редактором Смирновым — гранок 4-го тома Шекспира — 1525 р. и т. д.

Ясно, что такое хозяйничанье срывало финансовые планы издательства, парализовало его деятельность.

Секторы в издательстве предоставлены самим себе. Ими никто не руководит, никто не направляет их работы. В результате каждый сектор работает, как ему вздумается.

В то время как к целому ряду произведений, рукописи которых сданы в производство, нет иллюстраций (Грибоедов — «Горе от ума», Маяковский, Пушкин, собр. соч. III и IV тт.), художникам заказываются рисунки к изданиям, даже не включенным в тематический план.

Осенью прошлого года «Academia» подписала договор с художником Кабуладзе. Он обязался представить иллюстрации к «Ричарду III» Шекспира. Ни в плане 1937 г., ни в планах ближайших лет издание этой книги не намечается. Деньги же художнику, и притом немалые (1.500 р. за рисунок), услужливое издательство уже выдало.

Так же вне плана изготовлены рисунки к сказкам Гофмана, произведениям Горация, Гюго, Дидро и многим другим. По приблизительным подсчетам сектор оформления (руководитель Сокольников) располагает трехлетним запасом иллюстраций, стоимость которого достигает полумиллиона рублей.

Легкость, с которой заключаются в «Academia» договоры на оформление изданий, необыкновенна. Издательство даже не интересуется политическим лицом авторов.

— Все мы советские люди! — об'ясняет свое легкомыслие Сокольников.

И деньги выдаются, не глядя ни на человека, ни на его работу.

Книга «Мордовский эпос» вот уже пять лет находится в производстве. И только теперь издательство обратило внимание, что иллюстрации к этой книге явно непригодны.

Вообще в «Academia» очень часты случаи, когда в почти готовых книгах вдруг обнаруживаются ошибки, вредные установки и недопустимые оплошности.

В сигнальном экземпляре «Новой науки» Вико обнаружено **497** опечаток (!).

Это не предел. В «Летописи жизни Добролюбова» количество опечаток достигало **698!**

Однако сие мало тревожит работников «Academia». Ни разу эти ошибки не стали предметом обсуждения производственного актива.

Как же мог терпеть все эти «художества» директор издательства Я. Д. Янсон?

Янсон не только не противодействовал Полонской, но фактически поощрял ее, предоставляя ей возможность широко распоряжаться издательскими делами. Больше того, он сам счел возможным заключать договоры с враждебными людьми и привлекать к внештатной редакторской работе подозрительных, изгнанных из партии людей, вроде Рубановского.

Мы не имеем возможности перечислить в газетной статье все безобразия, которые вскрываются при первом же знакомстве с работой «Academia».

Издательство явно нуждается в помощи извне, в серьезных большевистских выводах.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1865 год
Умер М. Л. Михайлов

15 августа 1865 г. умер на каторге известный русский писатель и публицист Михаил Ларионович Михайлов — друг Чернышевского и Шелгунова, активный участник революционно-демократического движения 60-х годов.

М. Л. Михайлов попал в тюрьму в 1862 году, когда он был уже известным поэтом и автором публицистических статей, имевших исключительный успех.

По доносу Костомарова (впоследствии сфабриковавшего фальшивые письма для осуждения Чернышевского) было установлено, что Михайлов принимал участие в составлении прокламации «К молодому поколению».

«Если для осуществления наших стремлений, — говорилось в этой прокламации, — для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно, ибо дворянская партия — враг народа, а жалеть врага нечего, как не жалеют вредные растения при расчистке огорода».

За эту прокламацию Михайлов был осужден на 6 лет каторги. Больной организм его не выдержал каторжного режима, и он умер за два года до окончания срока заключения. Появившееся в «Колоколе» известие о его смерти Герцен озаглавил одним выразительным словом: «Убили!».

В течение 25 лет со дня смерти Михайлова его имя было опальным. Нельзя было издавать его произведения, нельзя было упоминать его имя в публицистических и критических статьях. Цензура добилась того, что Михайлова действительно стали забывать. Его замечательные переводы из Лонгфелло, Гейне и др. были широко известны в публике, но мало кто знал имя переводчика. То же было и с его стихотворениями; они часто ходили по рукам как безымянные. Даже в революционных кружках, где стихотворение Михайлова «Смело, друзья, не теряйте» стало боевой песнью, многие не знали, кем оно написано. Нередко его произведения приписывали А. К. Шеллеру, писавшему под псевдонимом «Михайлов».

Только после революции 1905 года произведения Михайлова вновь приобрели широкую популярность. Однако и тогда многих из его стихотворений нельзя было напечатать по цензурным условиям.

Полное собрание стихотворений Михайлова впервые увидело свет только после Великой Социалистической Революции.

1802 год
Родился Ленау

Сто тридцать пять лет назад, 13 августа 1802 г., родился один из крупнейших немецких поэтов — Николай Ленау.

«Ленау, — говорил о нем А. В. Луначарский, — выдающийся гениальный лирик... Ленау стоит на рубеже поэта и философа, поэтому он и был автором четырех философских поэм, которые безусловно заслуживают имени настоящих перлов философской поэзии».

Лирика Ленау — наиболее законченное выражение меланхолической поэзии XIX века. Уже названия его стихотворений говорят о характере его поэзии: «Смерть весны», «Страстное томление», «Суета», «Двойная тоска по родине» и т. д. В лирических произведениях и в философских поэмах (особенно в «Фаусте») он ищет покоя, радость жизни кажется ему эфемерной. Единственным его произведением, чуждым пессимизму или скрытой меланхолии, является историческая поэма «Альбигойцы», написанная в реалистических тонах.

Пессимистический характер творчества Ленау нашел мировое отражение в музыке второй половины XIX столетия. Его поэмы и стихотворения послужили материалом для большого количества музыкальных произведений. В частности, на темы его «Фауста» написаны два симфонических этюда Листа; «Дон Жуан» Ленау послужил тематической канвой для симфонической поэмы Рихарда Штрауса.

НАПРАСНЫЕ СИГНАЛЫ
Письмо из Минска

Партийная организация и писательская общественность БССР занялись в последнее время очищением своих рядов от враждебных и случайных людей. Но ведется эта работа недостаточно энергично. Парторганизация и правление ССП БССР игнорируют многочисленные сигналы печати о драматурге И. Гурском — редакторе газеты «Літаратура і мастацтва».

Последние годы Гурский был связан с классово-враждебными элементами.

С 1927 года почти до последнего времени Гурский был руководителем секции драматургов ССП. Всю работу секции он передоверил другим людям, оказавшимися предателями родины.

Бесцеремонно распоряжался Гурский государственными средствами, раздавая их под видом «премий», «помощи» и пр. На сцену советских театров он протаскивал контрреволюционные пьесы («Рой» Шашалевича, «Сымон Карызна» и «Ная» Зарэцкого, «Мыкола Гоман» Сташевского).

Находясь в руководстве ССП, будучи редактором «ЛІМ», председателем драмсекции и секретарем парткома, Гурский создал вокруг себя атмосферу зажима самокритики, в частности и в отношении критики его бездарных драматических «творений».

Представление о творчестве этого «драматурга» дает пьеса «Кочегары», в которой Гурский в лице идеального пролетарского поэта выводит человека, враждебного пролетариату.

Художественная ценность пьес Гурского настолько низка, что, несмотря на его «высокое» положение, ни одна из них не была поставлена советскими театрами.

О качестве редактируемой Гурским газеты «ЛІМ» мы уже писали в «Литературной газете» (в № 28 — «Плоды политической слепоты»). Сейчас все остается по-старому: газета попрежнему не помогает партии в борьбе с врагами народа и их охвостьем. Разоблачительные материалы «ЛІМ» перепечатывает из других газет или же берет из протоколов правления ССП (так было с делом Александровича, Мальтинского и др.).

С. ДЕЛЬ

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Года полтора назад в Гослитиздат поступил русский перевод избранных произведений Леконта де Лиля.

У нас есть основание полагать, что сей «переводческий труд» встретит возражение со стороны любого читателя, более или менее знакомого с французской литературой. Перевод носит явные следы акмеизма. Французский поэт в интерпретации переводчика напоминает скорее Гумилева Однако все эти обстоятельства не помешали гослитиздатовским редакторам одобрить перевод, сдать в набор и включить в план 1937 года.

В текущем году книгу выпустить не удалось. Но гослитиздатовские работники не теряют надежды преподнести советским читателям ненужный перевод. С ведома и благословения руководства издательства сектор иностранных классиков включил все тот же перевод Леконта де Лиля в тематический план издательства на будущий год.

Чем иным, как не пренебрежением к читателю можно об'яснить эти по меньшей мере странные деяния Гослитиздата?

В. ЛОБ.

«Возвращение с базара» (Западная Грузия) — картина Чачуа-Селезневой. Ховрино Московской области. Всесоюзная выставка самодеятельного изобразительного искусства, открывающаяся в Москве 18 августа.

ЛИТКОНСУЛЬТАЦИЯ или «БЮРО ОТКАЗОВ»?

«Правда» сигнализировала о неблагополучии в издательстве «Молодая гвардия». Описывая дела бывшего директора издательства перерожденца Лещинера, «Правда» сообщала, что, «тратя десятки тысяч рублей на личный комфорт, Лещинер сократил в припадке административного угара ассигнования на работу с молодыми авторами в два с половиной раза».

До зимы текущего года в литконсультации «Молодой гвардии» работало пять консультантов.

Единым росчерком пера произведя «усекновение» сметы литконсультации, Лещинер тем самым поставил ее работу под угрозу развала. Пришлось уменьшить число сотрудников до двух при огромном количестве поступающих рукописей. Естественно, что справиться с этим потоком литконсультанты не могут.

Все это привело к тому, что литературная консультация фактически перестала существовать. Работа ее резко ограничена. По существу сейчас помощь оказывается только тем авторам, произведения которых принципиально приемлемы для журнала. Во всех остальных случаях литконсультация принуждена ограничиться очень кратким отзывом, вернее, мотивированным отказом в напечатании.

Снижение сметы привело к нарушению специального постановления ЦК ВКП(б) о литературно-массовой работе. В нем ясно сказано, что, независимо от судьбы рукописи, автор должен получить исчерпывающий отзыв о ней с указанием всех ее достоинств и недостатков и способов исправления последних.

«Молодая гвардия» в последнее время слабо руководит работой литконсультации, не дает направляющих указаний. А в этих указаниях литконсультанты крайне нуждаются. Остро стоит вопрос о повышении квалификации литконсультантов.

В прошлом году при Гослитиздате некоторое время работал семинар, но очень скоро он прекратил свое существование. Подготовкой квалифицированных работников для литконсультаций никто не занимается.

Квалифицированные писатели никакого участия в работе консультации не принимают, а если и принимают, то так неохотно и лениво, что едва ли это может принести пользу.

Все эти неполадки вызывают справедливое недовольство молодых авторов. Посылая в литконсультацию свои вещи, они рассчитывают получить исчерпывающую критику их работы, а получают отказ и нередко с очень большим опозданием.

Очень много товарищей, обращающихся за помощью в литконсультацию, недовольны ее работой.

Разумеется, недовольство многих из них весьма справедливо. Но среди молодых авторов нужно выделить и группу людей, недовольство которых имеет нездоровую почву. Это прежде всего малограмотные товарищи. Указания чисто литературного порядка ничего не дают им: они их просто не понимают. А указания на малограмотность, на необходимость учиться не удовлетворяют и обижают их.

Вот, для примера, письмо одного из таких товарищей: «Желая сотрудничать по изданию журнала «Молодая гвардия» и имея мною выработанный поэтический материал в виде стихов, я хотел просить Вас о помещении их на страницах журнала. Мои стихи полны описания наблюдаемых мною фактов, как то: воспоминания о курорте, описание природы, любовные темы, а также потрясающие факты нашей социалистической стройки, перелет Чкалова и другое. В удовлетворительном случае прошу сообщить условия».

Единственное «условие», которое можно сообщить этому наивному товарищу, это то, что ему нужно учиться, читать, развивать свой вкус, и что лишь после долголетней учебы он, возможно, создаст произведение, достойное называться художественным. Молодых авторов этого типа не удовлетворяют никакие консультационные отзывы, как бы добросовестны они ни были. Эти авторы рассчитывают получить от литературной консультации такой рецепт, такой писательский элексир, который позволил бы им сразу изготовлять первоклассные художественные произведения. Они не понимают, что литературный консультант не может научить их писать, что в лучшем случае он может лишь указать им пути учебы.

Есть еще одна категория недовольных. Это — авторы, которые пишут гладко. Овладев только основами литературного мастерства, они способны исписать километры бумаги штампованными гладкими стихами или рассказами, но ничего свежего найти в их произведениях нельзя. Им особенно трудно доказать, что их произведения плохи, так как грубых формальных недочетов в их вещах нет.

Условия работы литконсультации «Молодой гвардии» явно неудовлетворительны. Неудовлетворительна и сама работа. Положение, при котором литконсультация низведена до роли «бюро отказов», — нетерпимо. Перед новым руководством издательства надо со всей серьезностью поставить вопрос об увеличении сметы на работу с молодыми. Это позволит привлечь к работе новых квалифицированных консультантов.

Надо, кроме того, наладить учебу самих консультантов и привлечь крупных писателей.

Дм. КЕДРИН

РОМЭН РОЛЛАН О ПОСТАНОВКЕ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

11 августа в Париже в переполненном театре Елисейских полей состоялся третий гастрольный спектакль Московского ордена Ленина академического художественного театра — «Анна Каренина».

Среди присутствовавших многочисленных представителей французской литературы и искусства был великий писатель Франции Ромэн Роллан.

После того как занавес опустился в последний раз и долго не смолкавшие аплодисменты начали замирать, Ромэн Роллан пришел за кулисы.

Бурной овацией встретили его все артисты театра во главе с постановщиком «Анны Карениной» народным артистом СССР В. И. Немировичем-Данченко.

Ромэн Роллан выразил работникам театра свою благодарность за постановку любимого французами толстовского романа.

— Игра актеров, — сказал он, — дает зрителю возможность почувствовать самую атмосферу величайшего творения гениального русского писателя.

Избранные работы Н. Я. Марра

Четвертый том «Избранных работ» академика Н. Я. Марра выходит в издательстве Академии наук СССР.

В том включены статьи, направленные против расистских теорий о происхождении и развитии языка, проповедуемых фашистскими мракобесами.

«Литературный архив»

Издательство Академии наук СССР выпускает в ближайшее время сборник **«Литературный архив»**.

В нем будут напечатаны документы из личного и семейного архива А. С. Пушкина, неопубликованные материалы, характеризующие отношение к великому поэту его современников, и материалы о том, как работали над текстами пушкинских произведений Белинский, Брюсов и Блок.

В этом же сборнике читатель найдет неизданные произведения декабристов Бестужева, Рылеева и др., произведения поэтов XVIII века и научное описание рукописей Гоголя, хранящихся в Институте литературы Академии наук СССР.

В Доме печати

16 августа, в 20 часов, в Доме печати состоится доклад секретаря ВЦИК т. А. С. Киселева **«Задачи печати в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР»**.

После доклада будет демонстрироваться машина для автоматического подсчета голосов на выборах.

В фойе Дома печати открывается выставка литературы, посвященной вопросам Конституции СССР и избирательному закону.

Председателем оргбюро Дома печати избран директор Партиздата т. Г. И. Бройдо.

Как писался роман «Война и мир»
Экспозиция Толстовского музея

Толстовский музей в Москве, в связи с исполняющейся 8 сентября 125-летней годовщиной Бородинского сражения, **расширяет экспозицию, посвященную роману Л. Н. Толстого «Война и мир»**.

Значительный интерес представляют книги Льва Николаевича, которыми пользовался Толстой при работе над исторической частью «Войны и мира».

Великий писатель, как известно, с огромной добросовестностью и кропотливостью изучил всю доступную ему литературу о войне 1812 г.

В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» он писал:

«Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека».

В этой библиотеке Л. Н. Толстого, хранящейся в музее, мы находим исторические труды русских историков Богдановича, Михайловского, Данилевича, Жихарева, книги знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова, книгу известного мемуариста И. Г. Липранди — «Пятидесятилетие Бородинской битвы» и многие другие. Из иностранных книг, которыми пользовался Толстой, в музее хранятся книги Тьера, де Секюра, Стендаля и других.

Раздел музея, посвященный «Войне и миру», будет пополнен малоизвестными гравюрами эпохи 1812 г. и рукописями романа.

В настоящее время музей капитально ремонтируется, и посетители смогут познакомиться с его интересными экспонатами не ранее первой половины сентября.

«Облик грядущего»

«Облик грядущего» — научно-фантастическая киноповесть **Герберта Уэллса**.

Это рассказ о будущей войне.

Война начинается воздушным нападением противника на мирное население города Эвритаун.

Уэллс, не раскрывая причин разбойничьего налета, изображает военные действия, показывает, как разрушаются города, как уничтожается человечество, как гибнет создававшаяся столетиями культура.

Цивилизация не погибает. Ее спасают «люди науки и техники, в частности авиаторы и инженеры транспорта», которые «об'единяются, воскрешают старые механизмы и строят новую цивилизацию на разумных началах». Созданию этого уэллсовского «мира во всем мире» посвящена вторая часть повести, к слову сказать, менее реалистичная и менее художественно значимая, чем начало книги.

Повесть «Облик грядущего» в ближайшее время выйдет в издании «Всемирной библиотеки».

По страницам детских журналов

«Пионер» №№ 1—6 за 1937 г.

«Пионер» — журнал беспокойный. Эта положительная особенность его об'ясняет в то же время и недочеты журнала, в первую очередь такой существенный недостаток, как неумение ограничивать себя.

«Пионер» «всеяден» и тороплив. Он рассеивает свое внимание по мелочам, старается быть всеоб'емлющим, и это иногда утомляет юного читателя, мешает ему сосредоточиться, отделить главное от второстепенного.

Не приходится возражать против обилия отделов в журнале. Очень удачна идея «Научного телеграфа», где дается сводка последних достижений в науке и технике, нужен и полезен «Компас» — известия географического общества читателей «Пионера»; большой интерес представляет отдел «Почта», где юные читатели ставят волнующие их вопросы, делятся своими наблюдениями и впечатлениями. Бесспорно значение таких отделов, как «Военные страницы», «Спорт» и т. д.

Но необходимо установить правильное соотношение между отделами и каждый из них сделать более целеустремленным и действенным. Если сразу давать, как это делает «Пионер» в «Научном телеграфе», кучу сведений и по химии, и по физике, и по биологии, и по технике и т. п., то читатель получает лишь обрывки знаний, поверхностные представления о предмете. Вряд ли редакция «Пионера» имеет в виду так воспитывать своего читателя.

Журнал, не в пример «Костру», о котором нам уже приходилось писать, уделяет много внимания своему художественному отделу. В каждом номере пять-шесть и больше рассказов.

Но среди них немало «проходной» литературы, не способной волновать воображение ребят, дать им углубленное представление о нашей действительности, воспитывать в них чувства советского человека.

«Рекордный снимок» Павловой, «Дунька» Кошелевой и др. — все это легковесно: нет здесь живых образов, нет художественного обобщения, нет ничего, что заставило бы призадуматься.

Мы сомневаемся также в целесообразности помещения рассказа М. Лоскутова «Дедова болезнь». Слишком уж по-эстрадному обыгрывает Лоскутов колхозную тему. А ведь это единственный рассказ о советских колхозниках в шести номерах «Пионера» за 1937 год.

Лоскутов ставил себе, очевидно, задачу чисто развлекательного характера, и надо сказать, это ему не в малой степени удалось. Его дед Бородоед, изгоняющий из себя с помощью деревенской бабки «второго мужика», который в нем «спрятавши сидит» и тянет к старинке, действительно смешон. Но не по этому образу и его окружению должен читатель-пионер судить о людях, героически борющихся против идиотизма старой деревенской жизни, за торжество новых отношений, новой социалистической морали, новых форм труда.

Наибольшей художественной удачей журнала за текущий год является безусловно повесть Р. Фраермана «Приключение на границе» (№№ 1—2). Это хорошая приключенческая повесть, которая нужна советским детям. В ней нет нарочитой выдумки, она правдиво показывает быт советских пограничников, разоблачает гнусные уловки японских шпионов. Не прибегая к искусственному усложнению ситуации, Фраерман заинтересовывает читателя, ведет его за собою, не дает ему преждевременно ключа к разгадке «секрета». Достоинство повести и в том, что она дает ощущение дальневосточного пейзажа.

«Приключение на границе» — оборонное произведение в настоящем смысле этого слова: оно воспитывает чувство советского патриотизма. То же самое можно сказать и о помещенных в номере шестом «Пионера» «Рассказах о Щорсе» Герасимова и Эрлиха.

Это рассказы документального характера, построенные на строго проверенных фактах. Но нужно отдать должное авторам — они не ограничились ролью протоколистов. Герасимов и Эрлих сумели так скомбинировать материалы, что они превратились в живую картину недавнего прошлого, картину отважной борьбы украинских крестьян и рабочих против петлюровщины и немецкой оккупации.

Образ замечательного организатора этой борьбы, легендарного героя революционной Украины Н. Щорса, впервые возникает, благодаря Герасимову и Эрлиху, в литературе. Вернее будет сказать, что нам даны лишь первые наброски этого образа, отдельные его черты. Но они позволяют увидеть основное в Щорсе: его непримиримую ненависть к капиталистам и помещикам, его несокрушимую волю пролетарского революционера, уменье завоевывать массы, бесстрашие и находчивость.

Трудно переоценить воспитательное значение таких произведений, как «Рассказы о Щорсе».

«Пионер» должен неуклонно продолжать серию таких работ, привлекая к ним лучших наших писателей.

Из других произведений, помещенных в журнале за первое полугодие, выделяется рассказ К. Паустовского «Парусный мастер». Есть чеховский лиризм в этом коротеньком повествовании о старом мастере. Парусным делом занимался еще его дед, отец, да и сам он отдал этому делу десятки лет трудовой жизни, «а теперь пошли пароходы, моторы: стук, гром, — о ветре теперь никто и не беспокоится».

Рассказ написан с тем предельным лаконизмом, который стал отличительной чертой творчества Паустовского. Могут найтись, конечно, любители «обобщений», которые пожелают приписать Паустовскому «поэтизацию» прошлого. Не подлежит никакому сомнению, что эти упреки будут исходить от людей, до которых не дошел глубокий, подлинно советский оптимизм, пронизывающий весь рассказ.

Только недостатком бдительности, политической проницательности и неустойчивостью художественных вкусов редакции «Пионера» можно об'яснить появление в журнале рядом с названными произведениями явно враждебного рассказа «Имтехай у собачьих людей» Теки Одулок.

В рассказе этом (действие происходит на Дальнем Севере в дореволюционное время) русский народ недвусмысленно отождествляется с царскими колонизаторами, которые цинично и жестоко осуществляли на окраинах политику господствовавшего класса.

Помещение клеветнических упражнений в детском журнале является огромным недосмотром, политической ошибкой редакции «Пионера».

В рамках газетной статьи нет возможности остановиться на всех произведениях, помещенных в «Пионере».

Отметим только вскользь свежие, эмоционально насыщенные рассказы армянского писателя Ананьяна «Сердце матери» и Фраермана «На реке». Последний написан очень тепло, но автор не ушел в нем от трафаретной схемы, которая в последнее время привилась в юбилейной литературе. В столетнюю годовщину смерти Пушкина печать была наводнена рассказами, авторы которых неизменно вспоминали о том, как у них в обстановке гражданской войны пропадали томики Пушкина, введшие в соблазн людей, впервые познакомившихся с творчеством великого поэта. Фраерман, сообщает о том же, но уже применительно к А. М. Горькому.

Редакция «Пионера» только этим рассказом Фраермана отметила первую годовщину со дня смерти гениального художника пролетариата. Необходимо было дать и статью о творчестве Горького. То же следовало сделать и в пушкинском номере «Пионера»: здесь мы не находим ни одной статьи, об'ясняющей детям, чем был Пушкин для русской литературы.

В связи с этим редакциям следует вообще поставить вопрос о введении в журналах «Пионер» и «Костер» постоянного историко-литературного и библиографического отдела.

Нужно приучать юного читателя к чтению критической литературы, нужно регулярно давать ему сведения о лучших новых книгах, и не только о книгах, но и о художественных выставках, о театральных спектаклях, о кинокартинах.

Попытку подобного рода «Пионер» сделал, и ее следует признать удачной. Мы имеем в виду те вступительные статьи, которые журнал дает к появляющимся на его страницах произведениям классиков (Диккенса, Гофмана и др.).

Особенное внимание следует уделить творчеству братских народов — современному и классическому. Необходимо, однако, чтобы элементы случайности не играли здесь никакой роли. А чем, как не случайностью, можно об'яснить появление в «Пионере» рассказов И. Кипписа «Моряк» и М. Хенкиной «Симха-трубочист»? Не эти произведения определяют качественный уровень еврейской литературы в СССР.

В заслугу журналу следует вменить привлечение им к постоянной работе талантливого армянского писателя Ананьяна и, в особенности, помещение гениальной поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе и переработке М. Заболоцкого.

«Пионер» систематически знакомит своих читателей и с жизнью советских республик. В этом смысле значительный интерес представляют очерки Тушкана «Республика таджиков», профессора Леонова «Оазис в пустыне» (об Узбекистане), фотоочерк «Солнечная Грузия» и т. д. Следовало бы также давать очерки о важнейших событиях в истории народов СССР. Привлечение сведущих людей к этой работе дает отличные результаты, доказательством тому служат очерк Е. Тарле «Страна храбрых» — о героическом прошлом Испании и статья профессора Бахрушина — «Как Русь отразила иноземцев» (о борьбе Минина и Пожарского против польской интервенции). Эти статьи читаются с неослабевающим интересом.

Ряд очерков посвящен современному Западу. И. Бабель дает живописную картину Франции, где ему пришлось недавно побывать. Убедительно разоблачает профессор А. Быховский «расовые теории» германских фашистов.

Из материалов научного характера заслуживают быть отмеченными статьи: «Чудесное вещество» (об открытии и свойствах радия), «На границах живого и мертвого», «Первый русский телеграф», «Москва-Волга».

Журнал «Пионер» по своему охвату может конкурировать с лучшими нашими журналами. Он представляет интерес не только для детей, но и для взрослого читателя. Дальнейшая его судьба зависит все же от того, в какой мере редакция «Пионера» сумеет привести в порядок свое «хозяйство», в какой мере она извлечет уроки из допущенных ею ошибок и научится ставить наиболее актуальные проблемы нашей современности.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

КНИЖНАЯ ХРОНИКА
ГОСЛИТИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ:

✱ **Шестой том полного собрания сочинений Вл. Маяковского.** В томе помещены поэмы «150.000.000», «Про это», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо».

✱ **«Фауст» Гете.** Печатается в пятом томе выпускаемого Гослитиздатом юбилейного собрания произведений великого немецкого поэта. Тексту поэмы предпослана статья А. В. Луначарского. Перевод Н. Холодковского.

✱ **Две повести П. Головача.** В книгу вошли повести «Носители ненависти» и «Они не пройдут!», посвященные героической борьбе белорусского народа за освобождение своей родины от белополяков. Автор рисует партизанское движение в Белоруссии в период гражданской войны и руководящую роль в этом движении рабочих-большевиков.

✱ **«Поэты Мордовии»** — сборник произведений мордовских поэтов. Любовь к социалистической родине, счастливая жизнь трудящихся — вот темы поэм и стихов, вошедших в сборник.

✱ **«Калифорнийские повести» Брет Гарта.** В сборнике печатается свыше 20 прозаических произведений американского писателя, в том числе большая повесть «Счастье Ревущего стана».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—32122.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.